Принцесса в академии. Драконий клуб

Автор:
Варя Медная

Принцесса в академии. Драконий клуб

Варя Медная

Бунтарка #2Волшебная академия (АСТ)

Ливи думала, что в Затерянном королевстве обрела себя и любимого, но преследователь настигает ее, спутывая все карты, и увозит в замок, овеянный огромным количеством мрачных слухов. Там принцесса вынуждена готовиться к таинственному Ритуалу, в котором ей отведена главная роль, и искать способ вернуться обратно, ведь только она знает тайну, угрожающую благополучию всего королевства. Вдали от друзей и без малейшей надежды на помощь Ливи предстоит ответить на вопрос: можно ли убежать от судьбы, которая умеет летать?

Варя Медная

Принцесса в академии. Драконий клуб

© В. Медная, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Принцесса в академии. Драконий клуб

Моему отцу Юрию, человеку с очень добрым сердцем

Особая благодарность Елене Литвиненко за вычитку и вдумчивые советы, а также читателям на СИ и Lit-Era за неизменную поддержку и вопрос: «А что было дальше?»

Пролог

Кашель, зуд, слезоточивость и безостановочный чих – все это началось при первых же звуках голоса Якула Кроверуса. Многие посчитали бы это знаком, указывающим на Суженого, которого напророчила Вещая Булочка. Я, разумеется, сочла это обычным совпадением, к слову, весьма неудобным и несвоевременным. Сама мысль о том, что дракон и есть мой Суженый, казалась полным абсурдом.

Пока все это куда менее связно проносилось в голове, я слепо шарила вокруг. Из-за всех вышеперечисленных неудобств, я почти ничего не видела: стены, Озриэль, Август, лестница смазывались цветными полосами. Из рожка привратника продолжали вырываться какие-то невнятные звуки, треск и шуршание. Голова шла кругом. Кто-то схватил меня за руку и потянул к выходу.

– Ливи, не стой же! Скорее! – хрипло выдохнул Озриэль.

Я попыталась последовать за ним, но запуталась в подоле, запнулась и чуть не упала. Из-под колпака донесся недоуменный возглас Августа. Магическое средство связи в его руках крякнуло и исторгло очередную порцию драконьего раздражения.

– Сколько можно! – Скрип нетерпеливо отодвигаемого стула. – Ваши студенты знакомы со словом НЕ-МЕД-ЛЕН-НО? Дайте мне.

Снова треск, шорох, бульканье, а потом вкрадчивый до жути голос произнес:

– Принцесса, сюда. Живо.

Теплая волна прошла по моему телу от пальцев ног до кончиков волос, оставив лишь одно желание – как можно скорее выполнить приказ дракона. Казалось, от этого зависит даже больше, чем моя жизнь, – миропорядок!

Я вывернулась из рук Озриэля и, не слушая окриков, бросилась к парадной лестнице. Ифрит перехватил меня у подножия.

– Ливи, ты в своем уме?! Что ты творишь?

– Пусти! – я отбивалась как одержимая.

– Нам надо бежать от него, а не к нему. Выход вот там. – Он попытался развернуть меня к двери, но я крутанулась обратно.

– Нет-нет, ты разве не слышал? Господин Кроверус меня ждет!

– И с каких это пор ты боишься его огорчить?!

– Мне нужно в кабинет ректора!

Я попыталась обогнуть ифрита, мысленно находясь уже на вершине лестницы. Озриэль схватил меня за плечи и хорошенько встряхнул. На краткий миг картина происходящего прояснилась – я добровольно и чуть ли не с радостью бегу в пасть дракона! – а потом снова растворилась в пучине приказа. Ноги, да и все прочие части тела слушались Якула Кроверуса. Я горела желанием поскорее исполнить его волю. Вели мне сейчас дракон лечь на тарелку, я бы еще и пальцы в горчицу обмакнула.

Малейшее промедление было пыткой. Я принялась вырываться.

– Да что с тобой? Ты вся горишь! – Озриэль сжал мои запястья, напряженно вгляделся в лицо и снова встряхнул. – Ливи, это какой-то фокус, не слушай его! Тебе не нужно делать то, что он говорит.

Я зажмурилась, пытаясь удержать его слова в голове, сделать их важнее тех, первых, и секунды три преуспевала в этом, а потом оттолкнула ифрита и снова рванула наверх. Он схватил меня поперек туловища.

– Озриэль, помоги, уведи меня отсюда! – кричала я.

– Это будет проще, если ты отпустишь перила, – пропыхтел он, пытаясь отлепить мои пальцы от мрамора.

Я не упрощала задачу. Как только ему удавалось отцепить их от перил, я хваталась за столбики.

Это продолжалось несколько минут, в течение которых я кричала Озриэлю, чтобы он отпустил меня, затем – чтобы не смел отпускать, а потом шум возни перекрыл ненавистный голос, который раздраженно произнес:

– Да отвяжитесь же!

В пылу схватки до меня не сразу дошло, что доносится он не из рожка, а откуда-то гораздо ближе. Гадать, откуда именно, не пришлось: наверху раздался звук шагов, и на площадке парадной лестницы показались двое – мадам Черата и…

– Не нужно в кабинет, – сказал Якул Кроверус и с щелчком расправил плеть.

Мои руки тут же безвольно повисли, и мы с Озриэлем повалились на пол.

Глава 1. Про большие планы маленьких людей

Стоявшего на лестнице можно было принять за человека. Издалека, против солнца и если не особо приглядываться. Однако мои чих, слезоточивость и зуд резко прекратились, как будто нарочно – чтобы я хорошенько его рассмотрела.

Отсюда дракон казался высоченным, но иллюзию создавали игра света, плащ со стоячим воротом, как у злых королев в сказках, и мой ужас. На деле рост был

просто выше среднего. Движения уверенные и при этом по-змеиному гибкие. Облик – сочетание тьмы и серебра: черный костюм, вытягивающий фигуру; длинные серебристые волосы забраны в спускающийся почти до пояса гребень; сапог нет: босые ноги оканчиваются худыми пальцами с загнутыми когтями металлического оттенка. Такие же когти венчают пальцы рук. Лицо прикрыто серебряной полумаской с рожей горгульи, а тонкие губы, когда он говорит, приподнимаются, демонстрируя полный рот заостренных зубов, черных и блестящих, как осколки обсидиана. Из прорезей маски сверкают глаза. Я как-то сразу почувствовала, что блестят они не от радости.

Мгновение взаимного рассматривания прервалось неожиданно: дракон вздрогнул, повернулся к мадам Черате и протянул ей овальный медальон размером с ладонь.

– Вы уверены, что это она? Мне говорили, принцесса красива…

У меня от возмущения снова заслезились глаза. Я вскочила на ноги, поскребла распухшую щеку и шмыгнула носом. И это заявляет существо с двумя рядами черных клыков и когтями? Наверняка и маска на нем вовсе не потому, что дракон стесняется явить свою красоту миру. Однако выпалить что-то резкое в ответ не получилось – першение в горле вернулось.

– Простите, но могу я узнать, что здесь происходит? – встревоженно спросил Август.

Никто ему не ответил.

Мадам Черата, в движениях которой сквозила суетливая угодливость, перевела растерянный взгляд с миниатюры на меня, но чуда не случилось: глаза сузились, став похожими на устричные щелки. Она покрутила портрет и вернула его дракону.

– Увы, сомнений нет, господин Кроверус. Но не удивлюсь, узнав, что сия особа втерлась в ряды принцесс так же ловко, как и в нашу…

Все дальнейшее происходило очень быстро.

– Прости, Август! – крикнул Озриэль.

В следующий миг в воздухе просвистело что-то тяжелое. Привратник удивленно приподнял брови, потянулся за лорнетом, но тут его колпак с громким хлопком лопнул и разлетелся на тысячи осколков. Первый этаж накрыло стеклянным дождем и окутало плотным цветным туманом. Сквозь искрящуюся пелену до меня донесся чих ректора, рычащий кашель дракона и оскорбленные возгласы Августа, лишившегося рабочего места. Сам он парил под потолком, отряхивая одежду, которая существенно пострадала в ходе диверсии: в камзоле и бриджах зияли проплешины – куски призрачной ткани обратились в радужный дым. На полу рядом с пьедесталом покачивалась на боку одна из каменных ваз, украшавших вестибюль. Ручки отбиты, барельеф с изображением вещей птицы расколот.

Я вовремя успела прикрыть нос и принялась крутиться во все стороны, выискивая в этом мареве Озриэля. Ифрит вынырнул мне навстречу, и мы молча кинулись к выходу. Дверь маячила в какой-то дюжине шагов впереди. Только бы добежать! А что потом? Неважно, придумаем!

Мадам Черата перестала чихать и выкрикнула заклинание. Пестрый туман послушно замер и поднялся к потолку, превратившись в цветные облака. Воздух очистился, и мы с Озриэлем снова оказались как на ладони. Я уже подбежала к двери и даже распахнула левую створку – в проеме мелькнул кусок двора, – как вдруг гибкая черная змея захлестнулась вокруг шеи Озриэля, оторвала его от пола и подняла на несколько метров в воздух.

Я обернулась и увидела, что Якул Кроверус неторопливо спускается с лестницы, указывая на ифрита плетью. Из костяной рукояти струился извивающийся черный поток, удерживая ифрита в воздухе. Он дергал ногами, хрипел и царапал шею, безуспешно пытаясь избавиться от удавки.

Я сжала кулаки:

– Что вы делаете? Немедленно верните его вниз!

Кроверус даже не взглянул в мою сторону. Он наклонил голову к плечу, внимательно рассматривая пленника.

– А это никак ифрит? – прошелестел он.

Мне стало не по себе от того, с какой легкостью дракон распознал истинную сущность Озриэля.

– Вы не ошиблись, – поспешила вставить мадам Черата, промакивая покрасневшие уголки глаз. – Этот ифрит с самого начала был в сговоре с вашей собственностью (я аж задохнулась, сообразив, кого она имеет в виду) и покрывал ее проделки. Я пыталась раскрыть глаза мадам Лилит, но она и слышать ничего не хотела. Надо признать, эта девчонка, – кивок в мою сторону, – умеет быть убедительной. Я бы и рада сказать, что Ирканийский подпал под дурное влияние, но это как раз тот случай, когда порченая кровь за милю чувствует другую такую же. Можете себе вообразить, не далее как две недели назад он устроил на моем занятии самый настоящий…

Дракон, не поворачиваясь, вскинул руку, призывая ее к молчанию. Мадам Черата поперхнулась и наградила меня ненавидящим взглядом, который предназначался ему.

Я шагнула вперед.

– Отпустите Озриэля! Я пойду с вами, только освободите его. – Голос дрогнул, как я ни старалась говорить твердо. – Пожалуйста!

Дракон по-прежнему смотрел не на меня, а на висящего в воздухе. Верхняя губа еще сильнее задралась, обнажая черные зубы.

– Может, стоит взять тебя с собой, ифрит? И если принцесса не будет слушаться, то…

Небрежное движение кистью, и удавка красноречиво затянулась еще на сантиметр.

Озриэль дернулся, а потом бросил на меня отчаянный взгляд – говорить он не мог – и изо всех сил сжал черный поток. Пальцы побелели от напряжения, а облик начал стремительно меняться, совсем как этой ночью в Шаказавре: лицо потемнело, скулы заострились, под кожей забегали синие веточки молний.

Плеть задымилась и начала плавиться под его пальцами, исходя черными потеками.

Кроверус нетерпеливо тряхнул рукой, отчего Озриэля швырнуло в воздухе из стороны в сторону.

– Хочешь сгореть, явив на земле свой настоящий облик, мальчик?

Озриэль скосил на меня глаза и, едва шевеля губами, прохрипел:

– Беги, Ливи, спасайся…

– Не смей мне тут благородно умирать! – разозлилась я. – Нам еще твой обет снимать и с дружбой разбираться!

Он попытался что-то ответить, но послушная воле хозяина плеть не позволила. Я собиралась сказать, что ни за что не брошу его, но тут заметила через открытую створку двери движение снаружи. Центр города буквально кишел жителями. Все они стекались с разных концов на площадь. Я нащупала взглядом цель их паломничества и едва не захлопала в ладоши от радости.

– Озриэль, держись! – крикнула я, заткнула уши, пока Кроверус не успел отдать новый приказ, и выскочила наружу.

* * *

Я неслась со всех ног, боясь обернуться и обнаружить погоню, лишь мельком отметила, что Эмилии почему-то нет у ворот, и куда подевался Магнус? Но сейчас не время задумываться. Наша с Озриэлем недавняя попытка была заранее обречена на провал: разве от такого, как Якул Кроверус, далеко убежишь? Но минуту назад во мне зажглась надежда, потому что около фонтана спиной к столпившимся зевакам стояла знакомая фигурка в кремовом платье с пышным подолом. Она совершала загадочные пассы в воздухе, словно играла на невидимом музыкальном инструменте, и не обращала ни малейшего внимания на зрителей, взявших площадь в плотное кольцо. Я понятия не имела, чем там занимается мадам Лилит, да меня это и не волновало. Я просто была бесконечно рада ее видеть.

Находись площадь чуть дальше от Академии, я бы не успела добежать. Но мне хоть в этом повезло, и я успела. Правда, сторониться зеваки не спешили, пришлось подключить локти и острые коленки. Со всех сторон понеслось ворчание и ответные тычки. Кое-как мне удалось добраться до первых рядов. Там-то и выяснилось, что народ не просто так замер на почтительном расстоянии – ближе подойти не получалось, потому что пятачок с фонтаном принцев-основателей был накрыт полупрозрачным куполом, переливающимся на солнце, как мыльный пузырь. Мадам Лилит позаботилась о том, чтобы любопытные не мешали ее занятию.

Бывшая ректорша Принсфорда, а ныне первый советник Марсия, стояла не возле фонтана, как мне показалось издалека, а прямо в нем. Подол платья намок и потемнел, но она этого даже не замечала, полностью поглощенная своим делом.

Я дотронулась до купола, и он отпружинил под пальцами.

– Эй, ничего не получится! – крикнули из толпы.

– Ближе не подойдешь!

– Думаешь, не пробовали?

– Смотри отсюда, как все.

– Что она делает? – спросила я у стоявшего слева. Им оказался огр – не полуогр, как Гарт, а самый настоящий, похожий на волосатый дуб.

Он наморщил лоб, пошевелил ухом в язвочках мха и спросил с расстановкой:

– Кто… она?

Я нетерпеливо повернулась к куполу. Мне просто необходимо достучаться до мадам Лилит! Из-за преграды не доносилось ни звука – ни слов первого советника, хотя я видела, как губы шевелятся, когда она поворачивала голову, ни журчания фонтана. Похоже, колпак их не пропускал.

Я вытянула руки и попыталась пройти сквозь него. Пленка оказалась склизкой на ощупь. Какое-то время она обманчиво поддавалась под моим напором, а потом достигла предела натяжения и отбросила меня обратно в толпу. Я упала на руки какому-то эльфу, но тут же вскочила и замолотила по пузырю кулаками:

– Мадам Лилит, вы меня слышите? Это Ливи, мне очень нужна ваша помощь!

Купол заколыхался и пошел рябью. По ощущениям, как будто избивала медузу или массажировала кусок желе.

Голос мячиком отскакивал от прозрачных стенок и, искажаясь, носился над толпой.

Мадам Лилит тем временем прекратила перебирать воздушные струны, приподняла подол и двинулась вдоль скульптурной группы, обходя ее по часовой стрелке. Она шла по воде до тех пор, пока не оказалась напротив Глюттона Медоречивого. Там она замерла и теперь стояла к нам боком. Я утроила усилия и была за это вознаграждена: мадам меня заметила.

Она взмахнула рукой, и преграда растворилась. Какой-то гном попытался ринуться следом за мной, но его откинуло обратно в толпу.

Гул площади, скрип вывесок и флюгеров, пение птиц тут же стихли. Я была права: звуки извне не проникали под колпак, и поэтому плеск воды под моими ногами оглушал.

Мадам Лилит дожидалась меня, замерев в своей обычной позе: руки сложены на поясе, подбородок чуть приподнят. Можно подумать, она стоит в аудитории, а не посреди фонтана. Только в выражении лица что-то поменялось, и одна из косичек, обычно аккуратно обернутая вокруг уха, распустилась.

Я подбежала и схватилась за бок, переводя дыхание.

– Мадам Лилит, какое счастье, что вы здесь! Даже себе не представляете! Я искала вас в Академии, но узнала от Августа, что вы там больше не работаете и… – Я махнула рукой, прерывая сама себя. – Неважно, я тут из-за другого, и счет идет на секунды.

– Что-то случилось, Ливи? – невозмутимо поинтересовалась она.

– Да, мадам, дело в том, что… – Я сцепила руки на груди. Сейчас не время гадать, что она обо мне подумает. – За мной явился дракон!

Она помолчала, ожидая, добавлю ли я что-то еще. Я не добавила.

– Ты огорчена? – спросила она.

Между нами выпрыгнула золотая рыбка, на лету заглотила мошку и нырнула обратно в фонтан.

– Огорчена? – переспросила я. – Нет, вовсе нет… Я в панике, в ужасе, в отчаянии! Я чувствую себя фениксом, чье последнее перышко догорает, или как человек, из-под которого выдернули ковер, или как обреченный, висящий на краю пропасти, ухватившись за ничтожный кустик, и наблюдающий, как корешки один за другим выдираются из земли!

– То есть ты подавлена, расстроена, угнетена, сломлена и совершенно уничтожена? – уточнила мадам Лилит.

– Да-да!

– Хорошо.

Еще одна рыбка выпрыгнула из воды и нырнула обратно.

– Что?!

Если прежде я не могла разгадать выражения лица стоящей напротив женщины-девочки, то теперь оно проступило совершенно отчетливо – торжество.

Я все еще плохо понимала, что происходит. Солнце играло бликами на куполе, сбоку темнела громада Академии, по небу бежали пушистые облачка. Может, мадам Лилит сейчас схватит меня за нос и закричит: «Шутка! Ага, попалась?»

Вместо этого она поправила косичку, закрепляя ее в прическе, и сказала:

– Я уж начала думать, что господин Кроверус помер в пути. Долго же он добирался.

Ноги стали ватными. Мне понадобилось усилие, чтобы не упасть.

– Так это вы… – прошептала я, – вы его пригласили.

Она пожала плечами:

– А иначе он никогда бы не попал в Затерянное королевство. Сперва, разумеется, пришлось уладить формальности и получить разрешение на взлет. Это заняло время.

Мадам Лилит поправила рюшечку на вороте и нежно коснулась мордочки змеи, которую носила как ожерелье. Та зажмурилась от ласки хозяйки, а потом повернулась ко мне и зашипела.

Теперь сомнений не осталось: никакой это не розыгрыш! Моя последняя надежда, оплот, соломинка… нет, не исчезла, ее просто никогда не существовало! Человека, которого я знала, не существовало. А Индрик… Я похолодела, вспомнив о несчастном музыканте – с Марсия станется приспособить его под подставку для шляп! Кто теперь его спасет? Кто утешит Эмилию и оградит Затерянное королевство от вседозволенности и капризов нового монарха своими мудрыми советами?

– Но почему? – выдавила я. – Что я вам такого сделала?

Глаза собеседницы зло сверкнули – впервые с начала нашего разговора.

– Что сделала? Что сделала?! – Она ткнула себе в лицо: – Вот что вы натворили! – Потом вытянула нелепые детские пальчики и пошевелила ими. – И вот. И вообще все это, – она указала на свое кукольное тело. – Ваша вина, и ничья больше!

Я непонимающе нахмурилась. Почему «наша»?

– Таких, как вы, – поправилась она, потом сделала глубокий вдох, взяла себя в руки и приняла почти прежний невозмутимый вид. – Да-да, через секунду-другую ты и сама сообразила бы, кого я имею в виду, но мне некогда ждать, – она метнула нетерпеливый взгляд на скульптуры, – поэтому подскажу… Ты так похожа на своего отца, Ливи. Нет, не внешне, даже я понимаю, что Аурелий далеко не идеал красоты, а ты, – она наклонила голову и нехотя признала, – хорошенькая. Когда не такая опухшая. Впрочем, ты и сама это знаешь и беззастенчиво пользуешься преимуществом, заставляя окружающих плясать под твою дудку. Аурелий также беспринципно пускает в ход свои мужские чары. – На ее лице проступила брезгливость, смешанная с яростью. – И ты думала, волшебный плащ сможет скрыть тебя и твое лицемерие от меня?! Меня, которая слышит голоса стен, кому нашептывают ковры, доносят свитки и намекают тапочки?

Я стояла, хватая ртом воздух. Перед глазами все кружилось, лица по ту сторону купола сливались в тошнотворный хоровод, искажаясь и гримасничая, словно глумились надо мной. Наверное, жители Потерии изнывали от любопытства, гадая, о чем мы говорим.

Аурелий… редко кто называл моего отца по имени.

– То есть вы знали, кто я? С самого начала знали?

– А ты думала, что попала в Академию за свой блестящий ум и любознательность? – Мадам Лилит хмыкнула. – Я разочарована: мои уроки магической дипломатии пропали впустую. Конечно, знала. Если и оставались какие-то сомнения, то их развеяла первая же встреча с тобой. Ты определенно его дочь, хотя, как я уже сказала, внешнее сходство не слишком выражено. Но у тебя та же привычка покачиваться с пятки на носок, попав в затруднительное положение…

Я тут же перестала покачиваться.

– …А еще ты тоже неравнодушна к мятным тефтелькам…

Оказывается, даже на тарелку нельзя положиться, если имеешь дело с мадам Лилит!

– …И глаза становятся бирюзовыми, когда ты смеешься или смотришь на того, кто тебе нравится… Такие же наглые, бесстыжие, лживые, возмутительно притягательные, неотразимые глаза! Обманчиво мягкие и ласковые, дающие призрачную надежду на рай, чтобы в следующий миг отобрать ее и посмеяться над чувствами того, кто попался на крючок!

Это не укладывалось в голове и в то же время было ясно как день: мадам Лилит когда-то любила моего отца!

Я шевельнулась и сделала шаг к ней, но змейка издала предостерегающий свист, вынуждая остановиться.

– Папино сердце… его украли вы.

Прозвучало, как утверждение. Мадам Лилит не стала отпираться. Напротив, казалось, моя догадка ее порадовала. Она кивнула:

– Посчитала, что Аурелию ни к чему орган, которым он не пользуется.

– Что вы с ним сделали?

Мне хотелось схватить ее за худенькие плечики и трясти до тех пор, пока виновница во всем не сознается, не раскается и не исправится. Но чешуйчатый сторож в красный ромбик зорко следил за каждым моим движением, не подпуская ближе.

– Ты правда рассчитываешь на ответ? – удивилась злодейка.

– Мой папа самый добрый человек из всех, кого я знаю! – выкрикнула я. – А вы лишили его сердца!

Мадам Лилит сбросила маску невозмутимости, давая волю гневу:

– А о моем сердце он подумал, разбивая его? А ты или хоть кто-нибудь? Думаешь, у меня нет сердца? – она стукнула кулачком в грудь, случайно прищемив при этом хвост змее.

– Думаю, у вас оно когда-то было, – тихо ответила я. – Но сейчас в моем отце больше сердца, чем в вас. – Внезапно справа что-то шевельнулось. Нет, показалось. Я тряхнула головой и молитвенно сложила руки: – Пожалуйста, мадам Лилит, можете обрушить возмездие на меня, но не наказывайте его. Сделайте его прежним!

Она вздернула подбородок и холодно улыбнулась:

– Самый добрый, говоришь? Так вот очень скоро ни у кого язык не повернется так назвать Аурелия. Ты наверняка уже замечала изменения. – Она неприятно усмехнулась. – Рассеянность, игнорирование, холодность, готовность пойти на некоторые… жертвы.

Мне бы и хотелось возразить, но слова застряли в горле: тему договора с драконом папа поднял пару месяцев назад. Хотя «поднял» не совсем то слово: поставил перед фактом – вот более точное. Прежде он неизменно прислушивался ко мне. Если честно, даже слишком баловал.

А еще в этом году он забыл про мой день рождения. Пришлось сделать жирный намек, прислав самой себе цветы и велев королевскому оркестру играть под окнами поздравительную песню. Тогда я списала это на обычную, пусть и обидную, забывчивость…

– Так вот, это лишь начало, – продолжила она с удовлетворением, видя, как изменилось мое лицо. – Не знаю, как ему удавалось столько лет подавлять признаки и оставаться почти прежним. Неважно, скоро этому придет конец. Заклятие вступит в полную силу, и тогда он не сможет припомнить не то что твоего имени… он вообще забудет, что у него есть дочь! А если изредка и вспомнит, для него это будет значить не больше, чем замена оливок на маслины в салате. Ему вообще ни до кого не будет дела. Аурелий войдет в историю как Бессердечный Король, во всех смыслах. Нет, за то, что он со мной сделал, ему не быть прежним… – Она оглядела себя. – Посмотри, что он натворил. Кем я стала по его милости!

– Хотите сказать, что это он наложил на вас проклятие, вернув в тело ребенка? Но папа не умеет колдовать!

– Нет, это… досадный, – она поморщилась, – побочный эффект. Проявился в процессе накладывания заклятия Сердцевырывания, на которое, – мадам Лилит вскинула палец, видя, что я собираюсь возразить, – твой замечательный папочка сам напросился.

– Но…

– Хватит. Будет так, как я сказала: он станет монстром, а ты… – она прищурилась и усмехнулась, – драконьим обедом. Слышала, они сперва делают принцессам массаж, чтобы блюдо вышло помягче, а потом предлагают ванну с уксусом и миндальным маслом.

Шевеление справа от меня снова повторилось, на этот раз сомнений не осталось. Я повернулась к скульптурам и задрала голову, рассматривая изваяния принцев-основателей. С них активно сыпалась пыль и каменная крошка. Мадам Лилит уставилась в том же направлении, но, в отличие от меня, не выказала ни растерянности, ни изумления – только удовлетворение и триумф.

Спросить, в чем дело, я не успела, потому что в этот момент Эол Свирепый моргнул и подвигал головой. Плечи и торс исполина по-прежнему оставались каменными, а вот шея и лицо пошли паутиной трещин. Целые кусочки отваливались от монумента, и под ними проступала живая плоть. Основатель факультета доблестных защитников выглядел ошарашенным. Несколько секунд мы таращились друг на друга, а затем он посмотрел вниз, на свое тело, и еще сильнее выпучил глаза. Лицо побагровело, на лбу корнями вздулись вены. Трещины побежали от плеч к локтям, а от них к запястьям. Он встряхнулся, высвобождая руки, и поднес их к лицу. Пару мгновений рассматривал, а потом мазнул нас совершенно безумным взглядом, задрал голову и издал бешеный рев, которому позавидовал бы дракон, ну или маленький динозавр. Не теряя времени, великан стал отрывать оставшиеся куски каменной скорлупы. Те же процессы происходили и с другими статуями.

Лицо мадам Лилит горело от восторга, а в глазах отражалось почти такое же безумие, как и во взоре Эола Свирепого.

Она театрально вскинула руки.

– Восстаньте же, принцы! Вашему многовековому заточению пришел конец!

Мадоний Лунный первым делом высвободил лиру, бережно отер ее и осторожно тронул струны, проверяя звучание. Амброзий Высокий тряс рогами и выбивал пыль из своих одежд.

– Что вы делаете? – опомнилась я. – Зачем оживляете статуи?!

Вот что означали ее загадочные пассы руками!

Мадам Лилит повернулась ко мне:

– Статуи? Пленников, хочешь сказать! Ты ведь была в подземной зале под моим кабинетом, не отпирайся… – К слову, я и не пыталась, – и видела свиток с кровью отпрыска первого правителя Затерянного королевства… законного правителя.

Перед глазами встало густое черное пятно, а следом память услужливо подставила досье с кровью Марсия – бордовой в оранжевую крапинку…

– Хотите сказать, что Марсий…

– Да! Узурпатор в тридцать пятом поколении, потомок захватчиков. Его далекий предок лишил трона самого первого и истинного короля этой страны, Утера Затейливого, а его вернейших сподвижников, – первый советник кивнула на принцев, активно отдирающих остатки каменных пластов и похожих на вылупляющихся птенчиков, – превратил в статуи. Вернее, ему помогли превратить. – Мадам Лилит презрительно скривилась. – Магический признак полностью раскрылся только в Марсии, тогда как его предкам пришлось довольствоваться куда более скромными способностями, поэтому захватчику пришлось унизиться до услуг ведьмы. Так что, как видишь, я самая настоящая освободительница.

– Почему вы так уверены, что жители Затерянного королевства разделят ваше мнение? Им сто одиннадцать поколений неплохо жилось под правлением Фьерских. – Тут я вспомнила очугунивание людей ради забавы и отмену праздников на целые десятилетия и поспешно добавила: – Никто не совершенен.

– А им пока незачем знать о моей скромной роли. Для них, – мадам Лилит кивнула на толпу снаружи, – я всего лишь совершила чудо. Вот пусть так и думают до поры до времени. Я умею выгадывать удобные моменты. Но об этом тсс! Ты ведь не проболтаешься, Ливи? – Она приложила пальчик к губам, хитро подмигнула и перевела выразительный взгляд на кого-то за моей спиной.

Я обернулась и увидела через купол, что толпа раздалась в стороны, образовав проход, по которому шел…

– Время обеда, принцесса, – улыбнулась мадам Лилит. – Не заставляй господина Кроверуса ждать.

Я затряслась. Голова шла кругом.

– Марсий вас разоблачит, – пискнула я, сама себе не веря.

Мадам Лилит весело приподняла брови.

– Щенок Фьерский? Разве ты не слышала, что мы с ним теперь лучшие друзья. Он ловит каждое мое слово, доверяет безоговорочно и безоглядно. Даже назначил первым советником, оценив мудрость и деликатные рекомендации своей наставницы, – она сделала шутливый книксен, совсем как девочка. – Да Его Незаконное Величество скоро будет есть из моих рук! – Лицо из насмешливого стало жестким. – До конца жизни.

Многозначительная пауза намекнула на то, что долгой эта жизнь не будет.

Первым копошение прекратил Глюттон Медоречивый. Он отряхнул элегантную мантию от остатков пыли, вынул и протер горящий красным глаз-протез – у меня отчего-то защипало кожу на груди под рубином фортуны – и сошел с пьедестала.

– Значит, это вас следует благодарить за пробуждение, юная леди? – обратился он к мадам Лилит и потер ручки.

Первый советник улыбнулась озорной улыбкой.

– Доброе утро, дядя. – Она повернулась ко мне и обронила: – Кстати, Ливи, я не упоминала, что Глюттон Медоречивый приходился Утеру Затейливому родным братом, а я пра-пра и еще много раз правнучка первого короля? Так что мы с дядей единственные ныне живущие родственники законного правителя.

Тут Эол Свирепый тоже спрыгнул с пьедестала – земля дрогнула под его тяжестью, – преклонил колено перед мадам Лилит и яростно прорычал:

– Моя королева!

Глава 2, в которой моя гордость подвергается испытанию

Последовали ли остальные его примеру, я уже не узнала, потому что в этот момент дракон оказался перед куполом. Мадам Лилит взмахнула рукой.

– Я буду скучать, Ливи, – сказала она. – Ты была смешной принцессой.

Колпак лопнул, как самый настоящий мыльный пузырь, обрушив на восторженно кричащую толпу дождь из конфетти и леденцов. Звуки вмиг вернулись, и глас города оглушал.

Празднику жизни не радовались только я и дракон. Он замер в полудюжине шагов впереди в позе циркового дрессировщика, поигрывая плетью. Маска скрывала выражение лица (морды?), и я была ей за это благодарна. Где же Озриэль? Оставалось лишь горячо надеяться, что с ним все в порядке.

Но если Кроверус думает, что я вот так просто добровольно пойду с ним, то он еще не имел дело с принцессами! Уверена, горожане вступятся за меня! (В конце концов, кто еще будет делать им скидки на цветы и подавать букеты столь изящно?)

– Чего ты ждешь, дракон? Хватай принцессу! – зычно пробасили из толпы.

Кричал тот самый огр, которому я недавно задавала вопрос. Не думала, что он способен на такую длинную фразу.

Значит, весть о том, кто я, успела облететь толпу. Впрочем, нетрудно сложить два и два, увидев рядом дракона и девушку, особенно в свете новости о побеге принцессы.

Якул Кроверус коротко размахнулся, и плеть прыгнула ко мне черной змеей. Я дернулась в сторону, но не успела увернуться. Магическая ловушка упала на меня, как лассо, прижав руки к бокам. Дракон дернул кистью, и я засеменила к нему, беспомощно оглядываясь по сторонам и стараясь не упасть. На лицах жителей, за редким исключением, не отражалось сочувствия – лишь радостное возбуждение, смешанное с любопытством. Мало кто мог похвастаться, что видел живого дракона, и при этом не покривить душой. Какая пища для пересудов!

За один день в Затерянном королевстве произошло больше событий, чем за последние двадцать лет: нелегальная вечеринка, смерть прежнего короля, предстоящая коронация нового, смена ректора Принсфорда и оживление статуй. А появление Кроверуса – настоящая вишенка на вершине новостного торта. Тут уж не до чувств обреченной принцессы…

Дракон быстро зашагал прочь. Я уныло тащилась за ним, как теленок, которого ведут на базар. Зрители образовали живой коридор. Кроверус шел, не оглядываясь и никак не реагируя на приветственные крики, лишь время от времени небрежно дергал плеть, когда я отставала. Я будто снова вернулась в Шаказавр в момент выступления группы Индрика. Только моему пленителю даже не нужно было петь – симпатии толпы и так были на его стороне. Первые ряды быстро заполнили романтично настроенные барышни. Они самозабвенно визжали, признавались дракону в любви, кидали в него перышки, цветы со шляпок, ленты и какие-то записочки.

– Мы любим тебя!

– Долой принцев, даешь драконов!

Время от времени моего слуха достигала чушь вроде:

– Ты посмотри, какая у него тоска во взоре! – И вздох.

– Так и хочется приласкать…

– Не верю, что драконы столь ужасны, как рассказывают.

– Он просто еще не встретил Ту Единственную, а тут еще на всяких принцесс отвлекаться приходится…

– Такой импозантный…

– Говорят, драконы носят маски, потому что от их красоты у девушек разрыв сердца случается! – Коллективный вздох.

В то время как Кроверус купался в лучах всеобщего обожания, мне доставались придирчивые и пренебрежительные взгляды.

Внезапно на дорогу выскочила какая-то особо отчаянная поклонница:

– Зачем тебе эта страшненькая принцесса? – крикнула она. – Возьми лучше меня!

Ее я сама отпихнула с пути.

Со всех сторон мигали значки Лиги Солидарности Драконам, двое или трое активистов развернули плакат, на котором крылатый ящер нес принцессу. Похититель был изображен с особым тщанием – выписан до последней чешуйки, тогда как на пленницу краски и энтузиазма уже не хватило: меж когтей болтался какой-то схематичный огурчик с ниточками рук и ног, желтой мочалкой волос и маленькой короной.

В задних рядах кто-то отчаянно махал. Я пригляделась и узнала бледную растрепанную Эмилию. Она пыталась привлечь мое внимание, на запястье нетерпеливо подпрыгивал Магнус. Оба что-то кричали, но из-за гвалта слов было не разобрать. Подруга попыталась подобраться ближе, но впередистоящие оттеснили ее обратно. Наверное, она увидела мадам Лилит, когда дожидалась нас с Озриэлем у ворот Академии и, подобно мне, понадеялась на ее помощь, но так и не сумела пробиться под купол. Эмилия ведь даже не знает, что первый советник из себя представляет! Только я во всем королевстве знаю, что она задумала! Крикнуть изобличительную речь в толпу? Никто не поверит.

Я упрямо уперлась ногами в землю:

– А ну, стой, дракон!

Унизительный рывок плети, и я снова бегу за ним, спотыкаясь и нелепо раскачиваясь из стороны в сторону.

Я выворачивала шею до последнего, но вскоре потеряла Эмилию и Магнуса из виду. Их закрыли спины. Толпа следовала по пятам, и лишь изредка кто-то забегал сбоку, чтобы кинуть бравурную фразу типа:

– Зачетный воротник, дракон!

И тут же кинуться обратно, к своим.

На краю площади Кроверус замер, обернулся и принялся наматывать плеть на кулак, подтаскивая меня ближе. Позади стало очень тихо. Тысячи жителей одновременно остановились, словно отгороженные невидимой чертой, и затаили дыхание.

– Ты съешь ее прямо здесь? – неуверенно крикнул кто-то, но на него тут же зашикали.

Если честно, у меня ноги задрожали. Такого поворота событий я как-то не ожидала. По правилам, дракон должен был унести меня в свое логово, а там… дальше этого пункта правила не распространялись.

И вот мы уже стоим нос к носу. Вблизи зубы у него оказались даже еще длиннее. Я постаралась собрать волю в кулак, но тут Кроверус наклонил голову и втянул воздух. Нервы окончательно сдали.

– Где Озриэль? – пропищала я. – Если вы с ним что-то сделали…

В мыслях голос звучал угрожающе. Вслух получилось истерично и визгливо. От волнения слезоточивость и зуд вернулись. Рот начал ощутимо распухать, и я впервые в жизни увидела свою верхнюю губу не в зеркало.

– Ты доставила столько хлопот, принцесса, – произнес он свистящим шепотом, приблизив маску вплотную и нависая надо мной. – Назови хоть одну причину, почему я не должен испепелить тебя прямо на месте?

Хотелось ответить что-нибудь возвышенно-героическое и при этом пренебрежительно-дерзкое. То, что станут передавать из уст в уста. Но в голову пришло только:

– Я еще не успела вернуть платье в магазин, а это эльфийский шелк…

Минуту он рассматривал меня, и за эту минуту я сгорела шестьдесят раз, а потом отвернулся, задрал голову и принялся высматривать что-то в небе.

Нужные слова тут же нашлись.

– Можете делать со мной что угодно! – крикнула я ему в спину (и слегка развернувшись к остальным, чтобы было хорошо слышно). – Посадите в самую высокую башню, обнесите стеной огня, морите голодом и пытайте булочками с изюмом, я все вынесу! Потому что знаю: рано или поздно любимый явится за мной и спасет, а с вами сделает что-нибудь ужасное!

– Я не собирался, – сказал дракон, обернувшись. – Но спасибо за идеи.

А потом снова запрокинул голову и набрал в легкие воздух. В его груди начало нарастать свечение, поднимаясь к горлу, словно раскаленная лава по жерлу вулкана. Когда оно достигло подбородка, дракон издал рев, одновременно выпустив в небо струю черного огня, окаймленного серебристыми всполохами.

Несколько девиц в толпе лишились чувств (очень ловко приземлившись на руки кавалеров).

Меня обдало горячим сухим воздухом, волосы золотым парусом расправились за спиной. Понадобилось пару мгновений, чтобы прийти в себя. Если это попытка меня запугать, то у вас ничего не выйдет, господин Кроверус.

– Ну, и долго мне еще ждать? – осведомилась я небрежным тоном и даже выдавила зевок. – Как вы это обычно делаете? Р-р-раз, и одежда треснула, два, и

вы уже крылатый ящер? – Не успела я договорить, как небо потемнело, поднялся сильный ветер, а удерживать подол прижатыми к бокам руками – та еще задачка. – Или стесняетесь зрителей? Так мы можем спрятаться во-о-он за тот кустик…

Ветер нарастал, переходя в ураганный. Внезапно на меня упала тень. Вернее, на нас обоих. Я посмотрела вниз и обнаружила, что стою под огромным драконом. Вскинула глаза и увидела его самого. Он бил крыльями, зависнув в воздухе прямо над нами. Удивительно, как ему это вообще удавалось – с таким-то пузом. Оно было лимонное, все в перевязочках, как тело у гусеницы. Кое-где блестели стальные капельки, похожие на шляпки гвоздей. Чешуя дракона напоминала монетки – мелкие палевые ближе к лапам переходили в крупные переливчато-багряные возле брюха. Хотя начать стоило с того, что на нем был огромный свитер горчичного цвета с вывязанными косичками и прорезями на спине – для крыльев. По их форме, напоминающей кленовые листья, я его и узнала – тот самый дракон, от которого мы с Озриэлем прятались еще в самом начале.

Ящер выгнул гибкую шею, посмотрел на Кроверуса бархатисто-фиалковыми глазами и издал нежное курлыканье – словно полсотни голубей проворковали разом. Мой тюремщик ответил негромким рыком и на этот раз обошелся без огненных спецэффектов.

Так который из них дракон? Замешательство сменилось полной растерянностью: в брюхе зверя открылся люк, и оттуда с грохотом выкатилась лестница.

Позади раздался судорожный вздох толпы.

Кроверус привычно взмахнул рукой. Стягивающая меня текучая плеть развязалась кругами и втянулась обратно в рукоять. Он спрятал ее и подтолкнул меня к люку.

– А нельзя по старинке? – пролепетала я. – Ну, долететь в когтях или верхом?

Вместо ответа он бесцеремонно пихнул меня в спину. Я в последний раз оглянулась, надеясь увидеть хоть одно родное лицо – Эмилию, Магнуса, Робина, мадам Гортензию, пусть она и сердится на меня, и, конечно, Озриэля… Никого из них среди собравшихся не было. Жители Потерии изумленно глазели на нас с почтительного расстояния. На лицах начала проступать неуверенность и что-то

похожее на сожаление и чувство вины.

– Эй, дракон, с ней все будет в порядке? – крикнул крепко сбитый гоблин моих лет.

– Истории про пожирание – это сказки, так? – добавил его приятель.

– Ты ведь женишься на девочке, как честный дракон? – сурово осведомилась какая-то старушка и ткнула в Кроверуса клюкой.

Тот проигнорировал вопросы.

Снова стало тихо, и чей-то голос в толпе робко произнес:

– Речь…

Его тут же подхватили десятки и сотни других:

– Речь-речь-речь!

Я остановилась на нижней ступеньке и прочистила горло.

– Жители Потерии…

Возгласы прекратились, взоры сосредоточились на мне.

– Я… я…

«Знаю, что вы не желали мне зла».

«Привязалась к вам».

«Буду скучать».

«Должна рассказать вам про коварство первого советника».

«Предупредить».

«Предостеречь».

«Нормально попрощаться».

– Я… я, то есть я…

Слова все никак не могли протиснуться сквозь застрявший в горле комок.

– Наверх, – отрезал Кроверус.

Ноги тут же понесли меня к раскрытому люку. Похититель зашел следом, и проем закрылся, отгородив нас от жителей Затерянного королевства и всего остального мира.

Глава 3. Про принцессу в брюхе дракона и мольбы о пощаде

Не знаю, что я ожидала увидеть внутри (вернее знаю, но всячески гнала от себя картинки свисающих со стенок кишок, переваривающегося барашка и сокращающихся сосудов. А чего бы вы ожидали, шагнув в брюхо дракона?), но точно не довольно уютное помещение, напоминающее одновременно каюту корабля и рабочий кабинет.

– Сидеть, – приказал дракон, и я тут же плюхнулась в вовремя подкатившееся кресло. Набрала в грудь побольше воздуха для вопроса. – Молча, – добавил он, не оборачиваясь, и уселся в свое, спиной ко мне.

Рот сам собой захлопнулся, и зубы словно срослись. Я раздраженно скрипнула ими. Кроверус лишил меня даже законного права узнать свою судьбу!

Он снял маску, положил рядышком на стол и тут же принялся строчить кому-то письма одно за другим. Перо яростно бегало по пергаменту. Я решила сидеть тихо и лишний раз не напоминать о себе. Пусть уж лучше вымещает эмоции в

посланиях, чем на мне.

Какое-то время я тоскливо наблюдала за прыгающим пером, а потом начала вертеть головой по сторонам – этого-то он мне не запретил. Минималистичная обстановка: помимо кресел, вделанный в стену полукруглый столик в виде злого лесного духа, небольшой бар, умывальник (такой огромной морской раковины я еще не видела), клетка с крикливой летучей мышью и покачивающийся на цепях сундучок, набитый книгами и свитками, используемый вместо полки. По одному окошку на каждой стороне. Я вспомнила поблескивающие на брюхе зверя винтики и поняла, что кабина просто-напросто пристегнута к нему, производя впечатление раздутого живота. Значит, вот как Кроверус перемещается!

Потом мысли обратились к положению, в котором я оказалась. Хорошенько сосредоточиться мешала летучая мышь, которая подобрала с пола клетки каучуковую ящерицу и трепала ее, громко хлопая крыльями и пронзительно визжа. Больше всего мучил вопрос, что же меня ждет по прибытии в замок. Еще не мешало бы выяснить, почему приказы Кроверуса так на меня действуют. Я не могу не то что ослушаться его – даже помыслить о том, чтобы ослушаться! Связано ли это с магическим договором по передаче меня ему, или дело в другом? Как бы то ни было, серьезное препятствие налицо.

Устав строить бесполезные догадки, я стала думать о друзьях, оставшихся в Затерянном королевстве: скучала по ворчанию Магнуса, благоразумию Эмилии, многоголосице Шебутного переулка и закипала от одной мысли, что дракон мог причинить вред Озриэлю. Кроверус в одночасье лишил меня всего, что было дорого. Размышляя над этим, я так усердно сверлила взглядом затылок похитителя, что дракон пару раз поскреб его безотчетным движением. Тут я вспомнила про свою загадочную аллергию. Она, надо сказать, заметно присмирела с момента взлета и уже не проявлялась хаотичными всплесками. Правда, щеки по-прежнему немного горели, но хоть зуд в носу прекратился…

Полет нельзя было назвать приятным. Снаружи свистел ветер, где-то в отдалении гремел гром, а внутри царило гнетущее молчание, разбавляемое воплями из клетки, скрипом пера и цепей сундука и дребезжанием бутылочек в баре. Нас кренило то в одну, то в другую сторону, когда зверь закладывал виражи на поворотах, и нещадно трясло. Временами мы резко ухали вниз, и тогда желудок подпрыгивал к горлу, а потом вертикальным штопором вгрызались в небо, чтобы в следующую секунду выровнять полет. К счастью, все предметы были прочно привинчены к полу и стенам. Дракон даже не замечал

всего этого, писал не отвлекаясь – наверняка давно привык. А вот у меня каждый раз перехватывало дыхание, перед глазами все кружилось, да и ноги затекли от вынужденного сидения, а голова разболелась от криков летучей мыши. Я порадовалась, что не успела позавтракать.

Несмотря на все неудобства, провалилась в тягучий беспокойный сон – не спала почти сутки. Проснулась от пронзительного визга и хлопанья крыльев. Спросонья едва успела понять, что происходит, и пригнуть голову: туча летучих мышей ворвалась в окошко и устремилась к креслу дракона. Там они слегка умерили галдеж и выстроились в очередь. Первая посланница протянула лапку, и Кроверус привязал к ней уже готовое запечатанное письмо. Мышь сразу улетела, а на ее место заступила следующая. Процедура повторилась с дюжину раз. Ни на одном конверте не было адреса – только смачный шлепок серебряного сургуча с выдавленной на нем зубастой пастью.

Мне вспомнился визит на почту Потерии в связи с делом профессора Марбис. Сотрудник тогда сказал, что письма раз в месяц приносят летучие мыши… Похоже, Кроверус тоже предпочитал их почтовым голубям.

Едва последняя вестница покинула кабину, тряска резко прекратилась, стало тихо и жутко. Это длилось пару мгновений – воздух словно замер, – а потом нас начало кидать из стороны в сторону, и все, что было раньше, показалось нежным покачиванием. Я до хруста вытянула шею и заглянула в ближайшее окошко. Снаружи свирепствовала настоящая буря, ревел и выл ветер. Небо раскололось на синие, фиолетовые, черные, стальные слои, которые стремительно перемешивались, как крем, взбиваемый рукой невидимого кулинара. Мимо нас проносились миниатюрные смерчи и потрескивающие молниями воронки. Ящер ловко лавировал между ними, всякий раз уходя в последний момент и точно вписываясь в безопасную зону. Я вцепилась в подлокотники, зажмурилась и принялась повторять про себя девяносто девять способов вежливо отказать кавалеру на балу.

Вскоре раздался звук, от которого сердце покрылось мурашками – леденящий душу вой. Едва оборвавшись, он повторился, только уже с другой стороны. Наконец сотни рыдающих голосов слились в единую арию ужаса. Им вторили стоны и душераздирающие вопли. Впереди показались смутные очертания того места, куда мы летели.

Кроверус быстро убрал письменные принадлежности в сундучок, размял пальцы, снова надел маску, повернулся и сказал не сулящим ничего хорошего тоном:

– Гора Стенаний и Ужасов заждалась тебя, принцесса.

И мы начали снижаться кругами.

* * *

Еще какое-то время цель нашего путешествия пряталась за хмурой пряжей облаков и тумана. Когда пелена рассеялась, я увидела торчащую посреди бушующего моря скалу. Волны накатывали и разбивались у ее подножия взбесившимися барашками. Вершину венчал замок. Строение походило на вылезшую прямо из скалы и почерневшую от времени и непогоды пятерню со скрюченными пальцами и обломанными ногтями. Каждый «палец» заканчивался башенкой. В одной из них что-то поблескивало. Зверь взял курс на мигающий огонек, служивший единственным маяком в этой безумной пляске стихий.

Видимость оставляла желать лучшего, все было каким-то мутным и нечетким, но тут воздух колыхнулся и пошел рябью, словно мы преодолели невидимую завесу, и очистился. Ветер резко стих, контуры обрели ясность. Вой и стоны остались позади вместе с бурей и искрящимися воронками. По эту сторону погода была если не ясной, то, во всяком случае, спокойной: жемчужно-серое небо и свежий солоноватый бриз.

Ящер приземлился на небольшом клочке земли перед замком. Люк открылся, и я услышала знакомый грохот откидываемой лестницы.

Кроверус поднялся со своего места и направился к выходу. Проходя мимо меня, велел:

– Встань и иди за мной.

Я с облегчением подчинилась, обрадовавшись возможности размяться, и ожидая, что он снова разрешит мне говорить. Вместо этого дракон потянулся к плети. Я замотала головой, жестами показывая, что буду вести себя послушно и никуда не убегу. Он помедлил и убрал руку. Ободренная успехом, я хотела

таким же образом выпросить назад голос, но Кроверус уже отвернулся и грациозно выпрыгнул наружу. Я вздохнула и вывалилась следом кульком – затекшие ноги почти не слушались. На лестнице поскользнулась и непременно упала бы на землю, но внизу нас встречали, поэтому упала я на встречающего. Им оказался невысокий мужчина средних лет, плотный (самая широкая часть приходилась на область талии) и краснощекий, одетый в рабочую одежду. Похожую носил наш королевский лесничий: бриджи, коричневый шерстяной жилет в узкую желтую полоску, шерстяные же гетры и треугольная шапочка – как те кораблики, что мальчишки пускают по воде.

Он извинился за то, что я на него упала, и вежливо помог подняться, а потом безо всякого предупреждения рухнул перед Кроверусом на колени и принялся бить себя кулаком в грудь, рыдая и моля пощадить его. Я выпучила глаза.

Дракон сделал нетерпеливый жест.

– Поднимайся, Рэймус. Сколько раз повторять: это ни к чему.

Слезы, секунду назад градом катившиеся по щекам толстячка, мгновенно высохли. Он поднялся с колен, что далось ему нелегко при такой комплекции, отряхнул гетры и сказал уже совсем другим, деловитым и чуть укоризненным тоном:

– Этикет есть этикет, господин Кроверус. – А потом сердечно добавил: – С возвращением, хозяин!

Дракон кивнул и мягко оттолкнул морду ящера, норовящего положить тяжелую голову ему на плечо:

– Займись Варгаром.

Хм, значит, у зверя, который нас привез, есть имя. Да и должность Рэймуса прояснилась: драконюх (этот термин показался мне наиболее подходящим).

Слуга засучил рукава и поднял лежавший рядом на земле мешок. Кроверус, уже шагнувший было к замку, остановился.

– Дай-ка одну.

Рэймус с поклоном протянул ему раскрытый мешок, и дракон, пошарив внутри, извлек человеческую голову. Мне стало худо, перед глазами все поплыло. Секунду спустя я узнала в «голове» кочан капусты. Правду говорят: у страха глаза велики!

Варгар тут же оживился и запрыгал от нетерпения, спровоцировав небольшое землетрясение. Кабина опасно затряслась, крылья смели стоявшую неподалеку телегу. Сейчас зверь отчетливо напоминал огромного пса, ждущего подачки, просто чешуйчатого, с крыльями и в свитере. Шипованный хвост елозил по земле.

– Тише-тише! – голос Кроверуса звучал почти ласково.

Он подкинул кочан, и ящер заглотил его в эффектном прыжке, едва не потеряв кабину, но ремни и крепления выдержали. Массивная туша на миг зависла, распластавшись на фоне жемчужного неба, и снова приземлилась на четыре лапы.

Кроверус встряхнул руки и, не оборачиваясь, двинулся к главному крыльцу. Невидимые ниточки настойчиво потянули меня следом. Я нехотя повиновалась. Оглянувшись, увидела, как Рэймус ведет Варгара в сторону ангара, приманивая его капустой. Зверь доверчиво семенил за смотрителем, сложив крылья за спиной, как голубок. Перед тем как войти, он обернулся в нашу сторону – в нежно-фиалковых глазах мне почудились симпатия и сочувствие.

Сейчас я предпочла бы присоединиться к ящеру в ангаре. Одна только парадная дверь в замок уже вызывала дрожь. Стрельчатые створки уходили ввысь на добрую дюжину метров и выглядели именно так, как, по моим представлениям, выглядят врата подземелья: мрачные, закоптелые, покрытые таинственными письменами и испускающие пронизывающий холод. Вместо привычных львов или грифонов вход охраняли две огромные каменные руки. Как только Кроверус ступил на крыльцо, раздался скрип чего-то неимоверно тяжелого и древнего. Каменные пальцы – каждый размером с меня – шевельнулись, потянулись к створкам и раскрыли их с громким скрежетом.

Дракон зашел внутрь, и я без промедления юркнула следом, пока руки-привратники не успели прищемить меня дверью. За спиной раздался протяжный лязг, и первый этаж погрузился в темноту. На одну секунду. А затем над головой вспыхнула огромная свечная люстра, похожая на колесо от телеги, а на стенах начали один за другим зажигаться масляные светильники. Чад потянулся наверх, рисуя в воздухе причудливые узоры. Странно, но от них, кажется, стало еще темнее. Какие-то неправильные светильники. Границы помещения терялись во мраке. Наши шаги и любое движение отдавались гулким эхом от стен, а высоко над головой слышалось шуршание и шелест. Я представила гроздья летучих мышей, облепивших потолок, и содрогнулась.

– Ой! – послышалось от лестницы. Там стоял невысокий человечек с мясистыми ушами и выдающимся хрящеватым носом. Он тут же поспешил к нам, гремя ведром и попутно раскидывая его содержимое – что-то, похожее на комки войлока.

– Мы ждали вас ближе к вечеру, хозяин, – сказал он извиняющимся тоном и бросил на меня любопытный взгляд, чуть задержав его на опухшем лице. – Но основные приготовления завершены, – снова незаметно выкинул что-то из ведерка, – так что библиотека, обеденная зала и трофейная готовы к приему… – Тут он хлопнул себя по лбу, аккуратно поставил ношу на пол и бухнулся на колени. А дальше повторилась та же сцена, что и с Рэймусом.

– Вставай, Хоррибл, она…

Слуга замахал тонкими ручками с длинными шишковатыми пальцами:

– Нет-нет, погодите, это еще не все! – Он повернулся к стене, где висел портрет придворной дамы – на припудренной груди красовалась мушка в форме сердечка – и гаркнул: – Атрос! – Ничего не произошло. Слуга сдвинул брови и вложил всю энергию в призыв: – Атр-р-р-рос!!!

В стене завозились. Из бюста дамы высунулась полупрозрачная мужская голова, поморгала, исчезла, а через мгновение оттуда вышел слегка просвечивающий господин в добротном охотничьем костюме былых времен. На боку покачивалась призрачная фляга. Он обвел нас не слишком заинтересованным взглядом, запрокинул голову и издал унылое завывание.

Хоррибл затрясся от возмущения:

– А где твой?.. – он сделал неопределенный пасс вокруг головы.

Атрос пожал плечами, отвернулся, порылся в стене, вытащил оттуда такую же полупрозрачную голову буйвола, испускающую голубоватое свечение, надел ее на себя и повторил вопль с той же интонацией.

На сей раз слуга остался доволен.

Я с любопытством уставилась на Атроса. Впервые вижу настоящее привидение!

– Не нужно этого всего! Она не гостья, – раздраженно рыкнул дракон.

– Но тогда каков статус? – задал резонный вопрос Хоррибл, поднимаясь с колен и снова хватаясь за ведерко.

– Представь, что она предмет мебели, который нужно кормить.

Я впилась ногтями в ладони. Чего бы мне это ни стоило, я найду причину вашей власти надо мной, господин Кроверус! И отыщу способ освободиться от магического договора. И стану первой принцессой, скинувшей бремя многовековой традиции и… Но все, что я сейчас могла, это бессильно сжимать кулаки и предаваться безумным мечтам.

– Хозяин, – спохватился Хоррибл, – сегодня было пять или шесть почтовых мышей от… – он опасливо покосился на меня, видимо, не уверенный, можно ли затрагивать эту тему при посторонних.

– Я понял. Где они? – дракон протянул руку.

– Наказ был отдать лично вам, поэтому улетели еще днем. Кроме последней – она ждет в вашем кабинете.

– Почему сразу не сказал? – бросил Кроверус, уже направляясь к боковой лестнице.

– Постойте, хозяин, – испугался слуга, – а что делать с принцессой?

– В башню ее. Ты ведь успел подготовить?

– Да, – обрадовался тот и повернулся ко мне. – Не знаю, как были обставлены ваши покои дома, но, уверен, о такой комнате мечтает любая принцесса. – Он заговорщически подмигнул.

Я мрачно указала себе в рот.

– Хозяин? – растерянно позвал слуга.

– Я облегчил тебе задачу: велел ей молчать, – усмехнулся Кроверус. – Следуй за Хорриблом. – Это уже мне.

– Но как я… – боковая дверь захлопнулась, – узнаю, что принцессе нужно… – докончил слуга себе под нос, повернулся ко мне с неуверенной улыбкой и поклонился.

– Прошу за мной, принцесса.

Глава 4, в которой меня заточают в башню и подвергают пытке

Я уныло потащилась за Хорриблом, безгласая и бесправная пленница, предмет мебели. Через дюжину шагов в груди разлился влажный холодок, как будто через меня пронеслась грозовая тучка. Атрос бесцеремонно шагнул из меня, обернулся, отсалютовал от буйволиной головы и пристроился рядом со слугой. На платье так и остался запах рома.

– Мыммуммымму?

– Чего?

Призрак снял буйволиную голову, пригладил полупрозрачный ершик волос и повторил:

– Как думаешь, она тут останется? Или того? – Он недвусмысленно чиркнул по горлу. – Жаль было бы, такая цыпочка.

Я покрылась липким потом и навострила уши. Слуги всегда все знают о планах господ. Даже раньше, чем те успевают их составить.

– Тише ты! – зашипел на него Хоррибл и обернулся проверить мою реакцию, сделав вид, что убирает пылинку с рукава. Я тут же принялась глазеть по сторонам. Слуга снова отвернулся и понизил голос: – Она только ответить не может, но все прекрасно слышит. Наверное, слышит… – неуверенно добавил он.

Я вытянула шею, едва не наступая им на пятки, но, к моему разочарованию, слуги перешли на неразличимый шепот. В пути Хоррибл продолжал раскидывать таинственное содержимое ведерка. Что это было, я узнала, когда он остановился возле одной из картин и любовно повесил на раму комок паутины. Перехватив мой взгляд, смущенно пожал плечами:

– Гостья или нет, а приличия надо соблюдать.

Так вот в чем заключались «приготовления»! Конечно, в каждом доме свои порядки, а имидж замка дракона нужно поддерживать.

Еще через пару шагов он выкинул паука, сделанного из мотка пряжи. Магнус возмутился бы, увидев такую грубую имитацию. За все это время нам не встретилось больше ни души, и у меня закралось подозрение, что в замке только и были что мы четверо: трое живых и один неупокоившийся.

До меня то и дело доносились звуки: хлопанье дверей и невидимых крыльев, осторожный скрип половиц, шорох, шелест, приглушенное завывание и что-то похожее на шепот на непонятном языке – у меня от него мурашки бежали.

Сперва я пыталась запоминать дорогу, но вскоре окончательно запуталась, и от затеи пришлось отказаться. Коридоры беспрестанно ветвились, перетекали один в другой и множились, при этом мало чем отличаясь друг от друга: ковры-

ковры, и портреты на стенах. Однако залы, мимо которых мы проходили, пусть и довольно запущенные, были изысканно обставлены. Тут подмести, там подполировать, отучить слуг развешивать паутину – и замок засверкает, как монетка Индрика! Я немедленно одернула себя, вспомнив, чей это замок.

Скорее всего, нынешним своим видом жилище обязано стараниям предшественников Кроверуса. Судя по количеству портретов, ими можно было населить небольшой городок. Со стен на нас взирали драконы обоих полов в костюмах разных эпох. Все они несли отпечаток сходства с нынешним владельцем – не знаю, было ли то сходство родственное или вызванное принадлежностью к драконьему племени: длинные, забранные в гребни волосы – оттенки от кипенно-белого до насыщенно-стального; когтистые пальчики дам кокетливо сжимают веера, а господ – небрежно поигрывают цепочками от хронометров или опираются на трость; под приподнятыми уголками губ загадочно сверкают черные клыки.

Когда впереди замаячил очередной поворот, Хоррибл повернулся ко мне:

– Почти пришли, принцесса.

Атрос, который шел первым и освещал путь буйволиной головой, уже собирался нырнуть в проем, но тут из крайней справа картины его кто-то окликнул. На этом пасторальном пейзаже дракониха не первой молодости, но все еще привлекательная и с шальными очами, предавалась невинному пикнику на траве.

Призрак расстегнул верхнюю пуговицу и, не глядя, протянул импровизированный светильник Хоррибу.

– Бывай, дружище, дела.

– Не смей, Атрос, на этот раз я все расскажу хозяину и…

Буйволиная голова провалилась в пол, а призрак шагнул в картину.

– Знаю я эти твои дела, – проворчал Хоррибл ему вслед.

К драконихе на картине прибавился полупрозрачный, но также не лишенный привлекательности господин. Он галантно предложил ей руку, и парочка быстро свернула к кустам. С них тут же снялась стая галок. На картине остался только плед и изысканно разложенные закуски. В траве пламенели вывалившиеся из корзинки сочные красные яблоки.

Хоррибл поспешно потянул меня прочь. Кончики мясистых ушей побагровели.

– Идемте, принцесса. Прошу извинить Атроса. Смерть – не оправдание дурным манерам.

Мы остановились перед нишей в стене, окаймленной аркой. Слуга сделал приглашающий жест.

– Будьте так добры, встаньте вот сюда.

Я шагнула в углубление, вспомнив свой спуск из башни Робина. Наверняка сейчас произойдет нечто подобное: Хоррибл дотронется до лепных узоров какой-нибудь волшебной штуковиной, и я в один миг окажусь наверху. Я почему-то представила, как он вытаскивает из кармана стрижа и стучит его клювом о навершие арки…

Вместо этого слуга поплевал на руки, ухватился за толстую веревку и, налегая всем весом, принялся тянуть ее на себя, приговаривая: «И р-р-раз! И два!»

Пол дернулся, и меня рывком приподняло на полметра. Я обнаружила, что стою в широком деревянном ведре. Скрипел ворот, натужно кряхтел Хоррибл, повторяя свою присказку. Меня все так же рывками поволокло наверх. Из чернеющего над головой туннеля тянуло сквозняком. Сердце замирало всякий раз, когда мой не внушающий доверия подъемник останавливался перед следующим скачком. А я даже пискнуть не могла! Я вцепилась изо всех сил в веревку, на которой держалось ведро, зажмурилась и принялась мысленно помогать слуге, повторяя про себя: «И р-р-раз, и два, и раз-з-з, и два-а!». Много-много ужасных минут спустя снизу донесся крик:

– Вылезайте, принцесса, не удержу!!!

Я распахнула глаза и выпрыгнула на площадку перед окованной дверью. Пустое ведро ухнуло вниз, утаскивая за собой веревку. Раздался гулкий удар об пол – из тех, после которых ведра не выживают. Наверное, это у них одноразовый подъемник. Интересно, как же тогда поднимется сам Хоррибл? Ответ я узнала считаные мгновения спустя. На лестнице застучали шаги, и вскоре мне навстречу вылетел запыхавшийся слуга. Он остановился на площадке, уперев руки в колени и переводя дыхание. Поймал мой взгляд и махнул через плечо:

– Вас уж с комфортом, на подъемнике, а я по старинке – лестницей.

Я повернулась к дыре, из которой минуту назад вылезла, и промолчала. Потому что не могла говорить. И визжать. И рычать. К счастью для Хоррибла.

Отдышавшись, слуга выпрямился и снова вошел в роль. Шагнул к двери и легонько постучал по ней костяшками – каждым пальцем поочередно, начиная с мизинца. Потом повторил процедуру, только уже с указательного пальца. В следующие пять минут он прямо-таки симфонию на двери сыграл. Удовлетворенно выдохнул, отступил на шаг. Ничего не произошло. Хоррибл нахмурился и возобновил ритуал, бормоча:

– Нет, тут тройной, а теперь аллегро, да, в этом все дело… Или нужно было начать со среднего? Изготовитель запирающего заклинания был страстным поклонником музыки, – пояснил он извиняющимся тоном, – ну а я всегда считал, что замки не могут быть «слишком» надежными.

Я почувствовала в груди знакомый влажный холодок.

– Тут стаккато и тройная комбинация, начиная с безымянного, – обронил Атрос, прошел через меня, прошел через Хоррибла, прошел через дверь и исчез на той стороне.

Хоррибл прав: совершенно невоспитанный призрак! Неплохо бы спрашивать разрешения, прежде чем проходить сквозь людей!

Слуга передернул плечами, раздраженно придушил кого-то невидимого в воздухе и исполнил вышеозвученную последовательность перестукиваний. В замке что-то щелкнуло, и дверь с ворчанием отворилась, оставляя на каменном полу борозды.

Хоррибл поклонился с приглашающим жестом:

– Прошу, ваша темница… тьфу, то есть светлица, принцесса! Никак не привыкну к новой терминологии. Не так-то просто в моем возрасте переучиваться. Всю жизнь говоришь одно, а тут…

Я уже не слушала его бормотание, разглядывая новое пристанище. Содержимое вполне отвечало первому названию: осклизлые стены, забранное густой решеткой даже не оконце – отверстие для воздуха, капающая с потолка вода и узкая кровать, на которой поместится лишь половина меня. На правой стене белели нарисованные мелом палочки. Наверняка оставлены рукой предыдущего узника. В центре клетушки стоял Атрос с торчащим за ухом пионом (кажется, я видела эти цветы на картине) и с интересом следил за жирной крысой, наворачивающей вокруг него круги. Куртку он держал за кончик, перекинув через плечо, и время от времени откусывал от красного яблока, попахивающего масляной краской.

Хоррибл промчался мимо меня и выхватил у него фрукт.

– Сколько раз повторять, чтобы ты так не делал! – Слуга бережно отер яблоко о жилет и сунул в карман. – Мне что, заняться больше нечем, как прибираться за тобой еще и на картинах? Не говоря уже о твоих бесстыжих… – Он умолк, вспомнив, что рядом принцесса.

Атрос пропустил отповедь мимо ушей и ткнул в мою сторону:

– Гляди-ка, она никак в обморок собралась хлопнуться?

Хоррибл быстро обернулся и замахал ручками:

– Нет-нет, не обращайте внимания, принцесса, все это, – он обвел камеру широким жестом, – лишь вынужденная предосторожность. На случай неожиданной проверки.

Слуга достал из нагрудного кармана мелок, подошел к стене с белыми отметинами и перечеркнул самую крайнюю палочку. Стены тут же всколыхнулись и завертелись перед глазами. Неведомая сила приподняла крысу

за хвост и принялась раскручивать. Лишь мы трое стояли неподвижно, неподвластные безумной круговерти. Она продолжалась с минуту, а потом резко прекратилась, и стены вернулись на место.

Я обнаружила, что нахожусь в просторной светлой, определенно девичьей и невыносимо розовой комнате: аккуратная розовая постель (почему-то круглая) под розовым балдахином, розовый туалетный столик с розовым же трюмо, розовый комод, розовые обои, розовый единорог на розовом гобелене… где они достали розовую шкуру медведя?!

Крыса обратилась в розовый пуфик и, упав на пол, мягко откатилась к стене и пристроилась в ряд таких же розовых пуфиков.

Мне тут же захотелось обратно в камеру.

Хоррибл кивнул и с гордостью огляделся.

– Миленько, правда? – сказал он довольно небрежно. Но довольный тон прямо-таки вопил: замечательно, изумительно, сногсшибательно! Да? Да??? – Я сам ее обставлял. – Еще одна пауза. Никто не ответил, и слуга продолжил: – Перелопатил гору литературы, сделал сравнительный анализ, даже провел небольшой анонимный опрос, чтобы выяснить, как обычно обставляют покои принцесс. Мнения разошлись по всем пунктам, кроме одного: принцессы любят розовое. – Он выжидающе посмотрел на меня и добавил: – Розового много не бывает. – Еще один взгляд. – Приятный такой цвет, освежающий. – Он помахал ручкой и вдохнул полной грудью, будто подгонял цвет поближе к носу. Потом приблизился к окну, увитому массивными чугунными розами на малиновых стеблях, и выглянул наружу.

Там пламенел розовый закат.

Хоть я никогда особо не любила розовый цвет, но относилась к нему спокойно. До этого момента. Я оглядела комнату и сглотнула, чувствуя, как пятки леденеют, а между лопатками проступает холодный пот. Мой личный ад…

Похоже, Атрос разделял эти чувства. Вся его бестелесная сущность содрогнулась, когда он случайно задел розовую кочергу для помешивания углей в камине. Призрак быстро отвинтил крышку фляги и сделал глоток. Лишь

Хоррибл ликовал, не замечая повисшей в воздухе напряженности. Его можно было бы заподозрить в злонамеренности, если бы не эта чистая детская радость, с которой слуга оглядывал творение рук своих.

Я отвернулась, ища что-то менее розовое, на чем взгляд мог бы отдохнуть, и издала судорожный вздох: к правой стене было прислонено огромное старинное зеркало – с боков еще створки раскрывались. Я радостно бросилась к нему и припала ладонями к поверхности. Из отражения на меня посмотрело нечто: нечто пятнистое, опухшее, с узкими глазками-щелками и красным, прямо-таки клоунским носом, из которого неприлично текло. Эльфийский шелк на этом чудовище смотрелся почему-то особенно возмутительно. Само платье выглядело, как всегда, безупречно, даже не помялось. И не скажешь, что оно на мне почти сутки.

Я принялась разевать рот в беззвучном крике и колотить ладонями по стеклу.

– Ор-р-р-рест!! Озриэ-э-эль! – звала я, колошматя зеркало и не заботясь о том, что могу его разбить. Так даже лучше: пусть звон осколков докатится до самого Подземного мира, пусть ифриты услышат, придут и спасут меня. Это же так просто! Всего один шаг – и только меня и видели в замке дракона! Я беззвучно всхлипнула.

Я стучала, пока не покраснели ладони. Потом принялась молотить кулаками. Стекляшка невозмутимо выдержала град ударов. Я даже пнула его. Ни единой трещинки. Минут через пять, окончательно выдохшись и убедившись, что никто не собирается вылезать оттуда и спасать меня, я отступила на шаг, обессиленная, и разревелась. Позорно. Некрасиво. Хорошо хоть беззвучно.

На плечо мягко легла чья-то ладонь, и голос Хоррибла неловко произнес:

– Ну-ну, не стоит так убиваться, дитя. Красота – это не главное. Мне встречались девушки и пострашнее. – Я заметила в отражении, как он сложил пальцы крестиком. – Зато вы принцесса. – На лице слуги читалось искреннее сочувствие.

Я снова всхлипнула и провела рукой под носом. В отражении же заметила, как Атрос тихо крадется к выходу. Похоже, розовая комната, помноженная на девичьи слезы, оказалась непосильным испытанием для призрака.

Хоррибл снял руку с моего плеча, пощупал раму и окинул зеркало сверху донизу задумчивым взглядом.

– Хотите, можем убрать его из комнаты, если оно вас так расстраивает…

Я тут же отставила бесполезный плач и закрыла собой зеркало, давая понять, чтобы его не трогали. Мало ли, вдруг ифриты просто задержались в пути?

– Вы уверены?

Яростный кивок.

– Как пожелаете. – Слуга с поклоном отступил и обеспокоенно всплеснул ручками: – Что же это я! Вы, верно, проголодались? Прошу извинить рассеянного старика. Что вам принести? Э-э… вернее: вам что-нибудь принести?

Голода я и не чувствовала, хоть и ела в последний раз до восхода солнца, поэтому помотала головой.

– Не хотите? – уточнил слуга. Получив кивок, озадаченно нахмурился: – Все-таки будете?

В голове щелкнуло. Пару секунд я оторопело глазела на него, обдумывая пришедшую мысль. Медленно кивнула, потом дважды помотала головой, затем указала на зеркало.

– Велите убрать, потому что оно отбивает аппетит? – неуверенно предположил слуга.

Я затопала ногами, яростно ударила кулаком о ладонь и запрыгала на одной ножке. Потом схватила пуфик, совсем недавно бывший крысой, и вгрызлась в него.

– Принцесса питается крысами? – ужаснулся Хоррибл.

Хлопнув себя по лбу, я изобразила отчаяние, указала на потолок, где нежились крылатые младенцы, ни дать ни взять молочные поросята, и сделала на руках

колесо по комнате. Этому трюку меня Мика научил.

Безумные пантомимы продолжались до тех пор, пока несчастный слуга не возопил:

– Не понимаю, ничего не понимаю! Я же его предупреждал, что никогда не имел дела с принцессами! – Он схватился за голову и в отчаянии выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

Я опустила руки, и стопка пуфиков, которыми я секунду назад балансировала, рассыпалась по полу. Я перешагнула через них и уселась на высокую кровать, расплывшись в мрачной улыбке. Была бы кошка – погладила бы.

Если план удался, остается только ждать. В противном случае… тоже остается лишь это.

В действительности Хоррибл мне даже нравился – недопустимая слабость в подобных обстоятельствах. Поэтому я задушила симпатию в зародыше. Следует быть холодной и расчетливой. Я прикрыла глаза, представив, как сливаюсь с замком и лечу по коридорам незримым призраком рядом со слугой. Мне даже почудилось, что я слышу интонации двух собеседников: одни недовольные, с порыкиваниями, другие – торопливые, в чем-то убеждающие первого. Солнце уже упало за горизонт, окрасив комнату в дымчато-сиреневый. Дышать стало легче. Я подошла к окну и посмотрела вдаль, на бушующее море. Пейзаж вокруг замка виделся нечетко из-за той едва различимой завесы в воздухе. Впрочем, и смотреть-то было не на что: сплошь бескрайняя водная стихия. Зато двор прекрасно обозревался. Как раз сейчас его пересекал Рэймус, на ходу засовывая плотные рукавицы в задний карман бриджей. Под мышкой он нес пустой мешок.

Вскоре на лестнице послышался шум, потом знакомое перестукивание, и в комнату влетел сияющий Хоррибл. Он закрыл дверь ногой и шагнул ко мне, держа на вытянутых руках шкатулку. Вид у него был решительный, взъерошенный и вместе с тем слегка ошеломленный, как у человека, испугавшегося собственной смелости.

– Вот, принцесса, это немного упростит нашу задачу.

Я подошла ближе, с любопытством оглядывая инкрустированный эмалью ларец. Слуга откинул крышку, и из недр ящичка выплыл ослепительно сверкающий мячик размером с куриное яйцо и завис в воздухе.

– Разрешаю тебе говорить, – буркнул он голосом Якула Кроверуса, – но только разумные вещи. Женский вздор и глупости по-прежнему под запретом.

Договорив, шарик пошел сияющими трещинами и взорвался под напором идущего изнутри света, выпуская во все стороны лучи. Я закрылась рукой и часто-часто заморгала. Перед глазами побежали белые мушки, а потом зрение прояснилось.

Хоррибл захлопнул крышку пустой шкатулки.

– Хозяин сказал, что из-за оговорки вы будете все время молчать. Надеюсь, это не так, иначе придется найти другой способ объясняться. Думаю, стоит начать заново. – Слуга поправил шейный платок и, прижав руку к груди, поклонился. – Хоррибл. К вашим услугам, принцесса.

Я потерла горло, издала пробный звук и очаровательно улыбнулась.

– Оливия. Оливия Виктима Тринадцатая. Но для вас просто Ливи. Уверена, мы с вами подружимся, господин Хоррибл.

Глава 5, в которой я включаю все свое обаяние

Чего у меня не отнять, так это наследственного очарования. Через полчаса мы с Хорриблом уже болтали, как старые добрые друзья, расположившись в моей комнате. Уступив настояниям слуги поесть, я попросила принести тостов и чай, но добавила, что он непременно должен составить мне компанию. Хоррибл сперва отнекивался, отговариваясь тем, что ему по статусу не положено трапезничать с принцессой, но очень быстро сдался. По всему было видно, что он соскучился по общению.

Он ненадолго отлучился, и я все гадала, не принесет ли поднос со скромной снедью молоденькая служанка, или горничная, или лакей, или даже сама кухарка, но не особо удивилась, когда тележку вкатил сам Хоррибл (и как он только втолкнул ее вверх по лестнице?). Полдник был сервирован в лучших традициях.

На плоском широком блюде, опасно кренясь, возвышалась многоэтажная стопка квадратных тостов с выжженной в центре летучей мышью. Остальное пространство занимали пузатый серебряный чайник, сахарница, молочник и с десяток розеток с разными видами пасты и конфитюра. Слуга достал откуда-то снизу два золоченых кубка, чуть потертых и очень древних на вид, и принялся разливать чай. Первый протянул мне вместе с тостом, который переложил на отдельную тарелку специальными щипцами. Соблюдение всего этого церемониала явно доставляло ему удовольствие.

Я осторожно откусила. Тосты нещадно подгорели. Похоже, слуга сам их готовил.

– Мм, не припомню, когда в последний раз ела так… хорошо прожаренный хлеб. Передайте мои комплименты кухарке.

– О нет, принцесса, – охотно отозвался Хоррибл, пристраиваясь на розовой лакированной скамеечке для ног, – я сам их сделал.

Я разыграла удивление:

– Не может быть! На вас уборка дома, приготовление еды, встреча и сопровождение принцесс… начинаю думать, что вы единственный служащий в этом доме.

– Так и есть, – сказал он, кинул шипчиками (не для тостов, уже другими) седьмой по счету шарик сахара в свой кубок и побултыхал. – Рэймус – смотритель Варгара, домашние дела его не касаются, – в голосе прорезались ревнивые нотки, – а Атрос, конечно, не в счет. Ему в обязанности вменяется лишь встреча гостей.

Так вот к чему был приветственный вой в вестибюле и буйволиная голова.

– Гостей? – тут же уцепилась я.

Может, одного из них удастся уговорить забрать меня с собой?

– Да, других драконов…

– А-а… – Последние, от кого принцессе стоит ждать помощи, это драконы. – И часто они у вас бывают?

– К счастью, не слишком. Сами понимаете, какие это хлопоты, а для организации достойного приема так и вовсе приходится дополнительно нанимать слуг и официантов. В повседневной жизни я прекрасно справляюсь с поддержанием порядка сам. А еду чаще заказываем в соседнем королевстве.

Я снова встрепенулась.

– Значит, соседнее королевство где-то совсем близко? И туда можно добраться? Я имею в виду, вокруг ведь бушующее море – его так просто на плотике не переплыть… или переплыть? Есть какой-то способ? И часто осуществляется доставка? – Я так разволновалась, что выплеснула немного чая на ковер, но слуга, кажется, ничего не заметил.

В памяти сразу всплыли все прочитанные истории, в которых узники сбегали, спрятавшись в мешок из-под картофеля, или поменявшись одеждой с приходящей служанкой, или притворившись мертвыми – тогда нужно лишь дождаться, пока вас сбросят в океан…

– Не подумайте, что меня этот вопрос как-то особенно интересует, – добавила я как можно небрежнее. – Вообще-то мне совершенно безразлично. – Я изящно отхлебнула из кубка, оттопырив мизинец.

– Раз так, можем поговорить о чем-нибудь другом, принцесса.

– Нет уж, договаривайте, раз начали! – воскликнула я, взмахнув руками и выплеснув остатки чая на ковер.

– До ближайшего королевства сотни миль, – пожал плечами слуга, стряхивая в кубок пятнадцатую по счету ложку малинового варенья и перемешивая его с чаем-сиропом. – Море не преодолеть: любой плот или корабль разобьется о пороги, а команда сойдет с ума от ужаса, заслышав вопли и стоны (вы наверняка видели воронки, когда подлетали к замку, но сразу сообразили, что они просто заколдованы на воспроизведение этих звуков). Так что еду доставляет птица синомолг: такая не то что корзину с завтраком – быка вместе с погонщиком притащит. К тому же их оперение светится в темноте, что удобно, когда встречаешь ужин в сумерках. В общем, доставка налажена отлично, никаких нареканий. Трижды в день, как часы. Владелец конторы некий Мартинчик…

У меня пересохло в горле.

– …У него филиалы в десятках королевств, а головная контора, по слухам, в Затерянном королевстве и… – тут Хоррибл осекся, виновато покосился на меня и положил обратно очередной тост.

Я скромно опустила глаза.

– Ох, господин Хоррибл, мне так стыдно, просто невероятно! Я, наверное, доставила господину Кроверусу массу неудобств… – Стрельнув взглядом из-под ресниц, я обнаружила, что слуга согласно кивает. – Он был очень зол?

Могла и не спрашивать, но сейчас передо мной стояла задача выведать как можно больше информации. Рассказывая о малозначимых вещах, люди нередко упоминают вещи значимые. Главное, внимательно слушать, чтобы ничего не пропустить.

– Лгать не буду, доставили вы нам хлопот, принцесса, – сказал слуга с мягким укором. – Не припомню, чтобы хозяин прежде так гневался. Видели Западную Башню?..

Я честно напрягла память и помотала головой.

– И не увидите, – кивнул Хоррибл. – Он ее сжег, узнав о вашем побеге. Не нарочно, конечно. Просто вышел проветриться, успокоиться, выдохнул сквозь зубы разок-другой… она и занялась…

– Это… ужасно.

– …А потом пошел в библиотеку, выдохнул там и… – голос дрогнул, но слуга справился с собой, – …секцию книг о свойствах жабьих пупырышек так и не удалось спасти. А после этого…

– Нет, не продолжайте!

– Он сел в драконолет и отправился на встречу с вашим отцом, – быстро докончил слуга.

Я недоуменно нахмурила лоб:

– Драконолет? Это вы о той кабине, в которой мы прилетели?

– Именно.

– Тогда, возможно, вы проясните для меня один… момент. Который из них двоих дракон?

Хоррибл вскинул брови и с сожалением прикрыл крышкой опустевшую сахарницу.

– Из двоих? А кто второй?

– Господин Кроверус…

– Тогда кто первый? – терпеливо уточнил он.

– Варгар…

Хоррибл молчал, ожидая продолжения, ну или пояснения шутки, явно готовый в любой момент рассмеяться и поддержать ее.

– Я имею в виду, разве ваш хозяин не превращается в крылатого ящера – такого, как Варгар? С чешуей, здоровущими лапами и шипованным хвостом?

Хоррибл пожал плечами:

– Варгар – всего лишь зверь. Вы же не спутаете наездника и коня? И я вам так скажу: нам крупно повезло, что у хозяина нет здоровущих лап и шипованного хвоста.

Он отхлебнул чай и замолчал, вероятно, прикидывая потенциальный ущерб, который нанес бы библиотеке хозяин с внешностью Варгара и характером Кроверуса. А я думала о том, что все это время, глядя в небо, мы принимали «коней» за «всадников».

– А мой… – я сглотнула комок в горле, – отец. Вы сказали, что господин Кроверус отправился к нему?

– Да, все подумали, что именно король помог вам бежать.

– Нет, он не имел к этому никакого отношения! – горячо возразила я.

– Верю, – кивнул Хоррибл, тщательно подбирая пальцем крупинки сахара. – Сперва тоже сомневался, но ваш отец проявил полную готовность к сотрудничеству. Его рвение рассеяло мои подозрения.

– Неужели?..

Все внутри сжалось. Значит, отец не изменил решения – да и с чего бы? Так что, даже если мне удастся отсюда сбежать, на помощь из дома рассчитывать не придется.

– Да, – слуга сокрушенно покачал головой, – и оттого особенно огорчительно, что все его попытки закончились неудачей.

– О чем вы?

– Стоило ему заказать в газете статью о вашем исчезновении, как тотчас закончилась типографская краска. Когда он собрался снарядить на поиски отряд, солдат начала косить таинственная хихикающая хворь. Даже

виноградная шипучка с вашим портретом…

– Что с шипучкой?! – я ухватилась за столбик кровати.

– Вся партия оказалась бракованной, – трагическим шепотом сообщил Хоррибл. – Привезли шипучку без пузырьков.

Тепло возвращалось в пальцы, покалывая кончики. От сердца отлегло, на душе полегчало. Похоже, некоему королю пришлось изрядно попотеть, чтобы навлечь на себя такую внушительную цепь неудач.

– Моего отца прямо-таки Рок преследовал, – сдержанно прокомментировала я, стараясь удержать разъезжающиеся уголки рта.

– И не говорите, – совершенно искренне согласился слуга. – В итоге моему хозяину пришлось взять дело в свои руки.

– Очевидно, руки у него из цепких: что однажды в них попало, уже не вырвется. – Мне не удалось удержать яда в голосе. Поразительно, как воздух не разъело. Но мне повезло: Хоррибл не понимал намеков, полутонов, недосказанностей, оговорок и интонационных нюансов. – Господин Кроверус в одиночку справился с тем, что оказалось не под силу целому королевству.

– А как иначе? Такой удар для любого дракона! – Слуга кинул на меня один из своих мягко-укоризненных взглядов, который быстро превратился в любопытный. – Но вы ведь не виноваты в побеге, правда?

– Нет? – опешила я.

Хоррибл счел это подтверждением своих слов и удовлетворенно кивнул.

– Так я и думал! – Вокруг глаз наметились солнышки радостных морщинок. – Вообще-то догадаться оказалось нетрудно: вы ведь не могли не понимать, насколько важен для хозяина этот договор и что срыв сделки повлечет за собой печальные и совершенно ужасные последствия – в первую очередь, для него!

Тут я не нашлась что ответить. Признаться, чувства дракона волновали меня даже не в последнюю очередь. Они вообще меня не волновали.

– Наверняка случилось что-то из ряда вон, – подсказал Хоррибл.

Я наконец разомкнула губы.

– Э-э… вы попали в точку! Так все и было.

Слуга выпрямился и отставил тарелку с тостом, у которого обгрыз только корочки. Глаза возбужденно блеснули.

– Вам, без сомнения, запудрили мозги, – убежденно провозгласил он, – затуманили разум, сбили с толку, навешали лапшу на уши, возможно, околдовали и опоили… – Вопросительная пауза.

– Что-то вроде того…

– Вы потеряли память и пришли в себя уже где-нибудь на пиратском судне… – Рассказчик затаил дыхание и, дождавшись кивка (мне он непросто дался), восторженно подскочил на месте, все больше воодушевляясь. – Разумеется, вы при первой же возможности попытались сбежать, но не тут-то было: эти негодяи стерегли вас и других пленниц и днем и ночью.

– А там были и другие пленницы?

– Разумеется, были! Они всегда есть, тем более на работорговом судне.

– Кажется, оно только что было пиратским.

– Все пираты – работорговцы, – авторитетно заявил Хоррибл.

– Ну, хорошо, а дальше…

– А дальше вы искали любую возможность, лазейку, щелку, чтобы сбежать. Ждали своего часа, затаились, как кошка в ожидании топота крошечных

мышиных лапок. И вот однажды ночью вам улыбнулась удача. На море начался шторм, волны яростно швыряли корабль с одного пенистого гребня на другой. Команда молилась о спасении, а вы тем временем догадались залезть в пустую бочку из-под рома и таким образом спаслись.

– А бочку вынесло к берегам Затерянного королевства? – уточнила я.

– Ну, конечно! Но перед тем почти неделю носило по волнам.

Я почти посочувствовала той мне.

Наверное, Хоррибл не успел выяснить, что Затерянное королевство не граничит с морем. А может, выяснил, но отмел пункт, как решительно не вписывающийся в тщательно выстроенную картину.

– Начинаю думать, что вы были на том корабле, – подмигнула я, подмешивая в его кубок каштанового варенья. – И вообще многое повидали.

Хоррибл порозовел от удовольствия и отмахнулся:

– Я многое прочел. Были, конечно, и другие предположения, но этот расклад показался мне наиболее вероятным.

– У вас аналитический склад ума.

– Значит, я был прав?

– От и до, – уверенно кивнула я.

Едва ли можно было осчастливить его больше.

– Вы поделились своими умозаключениями с хозяином?

– Естественно! Тотчас рассказал ему все это. Привел те же аргументы, что и вам.

– И он принял эту версию?

– Отнюдь, – расстроенно сообщил слуга. – Не поверил ни единому слову и вообще сказал, что вы коварно спланировали побег, а отец вас прикрывает.

– Какой господин Кроверус подозрительный! – возмутилась я. – Вот я вам сразу поверила.

Хоррибл пожал плечами:

– Я пытался доказать ему, что это единственное разумное объяснение вашего нелогичного поступка.

– Нелогичного?

– Ну да.

Я минутку подумала и спросила:

– То есть вы считаете нелогичным, что девушка не хочет быть переданной кому-то, как вещь, и тем паче быть съеденной?

– При чем тут желание девушки? – удивился Хоррибл. – Традиции на то и традиции, что соблюдаются вне зависимости от чьих-то желаний.

Я отчего-то почувствовала, что согласия по этому вопросу нам не достичь, и не стала развивать дальше тему. А кроме того, ощутила смутное беспокойство, оттого что слуга никак не опроверг вторую часть высказывания.

– Хотя про «быть съеденной» это я, конечно, погорячилась, – хихикнула я. Звук вышел натужным и больше похожим на кашель. – Кто в наше время ест прекрасных дев? – Я сделала паузу и сопроводила ее выразительным взглядом, приглашая собеседника посмеяться вместе со мной. Слуга отвел глаза и принялся старательно выскабливать остатки жидкой халвы из последней розетки. – У того, кто придумал эту нелепость, плохо обстояло дело с чувством юмора, не так ли? – заторопилась я. – Не понимаю, почему слух до сих пор никто не опроверг. Неужели люди находят легенду романтичной? Фи! И это в наш просвещенный век? Просто уму непостижимо! Ерунда какая! – Пауза. – Он меня съест? – обреченно спросила я, отбросив притворство.

Хоррибл вздохнул и отложил плошку.

– Не знаю.

– Как это не знаете? Вся ваша жизнь проходит в этом доме, вы ведаете делами хозяина, пользуетесь его безоговорочным доверием – иначе он не поручил бы меня вам! Так как, во имя всех стонов и ужасов этой горы, вы можете не знать, что со мной будет?! Господин Кроверус прежде ел девушек?

– Что вы, конечно, нет! – ужаснулся Хоррибл, и у меня с плеч не то что камень упал – лавина сошла. – До вас же тут не было принцесс.

Лавина вползла обратно, прихватив с собой ужас. Слуга взял мою руку и накрыл своей.

– Долго ждать не придется, ваша участь решится в ближайшие дни, максимум неделю. Хозяин в данный момент как раз уточняет этот вопрос. А до тех пор я приложу все усилия, чтобы сделать ваше пребывание здесь приятным. Не желаете запустить воздушного змея? Сейчас как раз подходящий ветер. Правда, запускать придется из окна – вам запрещено покидать башню.

– Благодарю, но я не в том настроении, – тон оказался суше, чем Хоррибл того заслуживал, но такова участь гонцов, приносящих дурную весть.

– Тогда можем поиграть в шарады или сложить пазл, смастерить ловца снов…

Я молча высвободила руку и отодвинулась.

Любая другая на моем месте сейчас ударилась бы в плач, начала бить себя в грудь и проклинать того аиста, что закинул ее в королевскую колыбель. И мне очень хотелось побыть любой другой. Но я понимала, что к решению проблемы это меня не приблизит, а времени в обрез. Слезы следует сцеживать в строго отмеренных дозах или лишь тогда, когда они могут помочь делу. Нужен был план. Хороший план. И помощник – без него никак. А капризным взбалмошным себялюбцам почему-то помогают менее охотно. Поэтому вместо того, чтобы ругать судьбу за слабые карты, я внимательнее пригляделась к ним и поняла, что рядом сидит тот, кто, как я сама минуту назад сказала, пользуется

неограниченным доверием хозяина, имеет доступ ко всем дверям и отвечает за мою охрану. А у дверей и людей есть одна общая черта: к ним можно подобрать ключ.

Я снова придвинулась, вернула свою руку под шершавую ладонь старика и улыбнулась.

– Да что это мы все обо мне да обо мне, господин Хоррибл. Давайте поговорим о вас. Чем вы любите заниматься в свободное время?

Слуга обрадовался, решив, что сумел отвлечь меня от мрачных дум.

– Следить за поддержанием порядка в замке, – охотно ответил он. Видя, что я жду продолжения, добавил: – Готовить для хозяина.

– Как увлекательно! А еще?

– Чистить столовое серебро, составлять реестр библиотечных книг, протирать пыль с фамильных портретов, вязать чехлы для кресел и свитера для Варгара…

– М-м, ну вы же наверняка делаете что-то и для себя? – подсказала я, беспечно улыбнувшись. – То, что радует именно вас.

– Разумеется… – растерялся слуга.

– И это?..

– Чистка водостоков, натирание паркета воском, починка мебели… – Хоррибл судорожно пытался придумать ответ, который бы меня удовлетворил. – О, еще люблю отливать из бронзы!

– Что именно?

– Колотушки для входной двери.

– А как вы относитесь к прогулкам на свежем воздухе? Так, слегка отвлечься, проветриться: заглянуть в соседнее королевство, слетать на другой конец земли, совершить морское плавание за тысячу миль отсюда, переместиться с помощью волшебного амулета в неизведанные дали?

– Что вы! – рассмеялся слуга. – Я никогда не выезжал за пределы замка.

– И вам не хочется узнать, что там, в остальном мире?

– Я и так знаю, – пожал плечами он. – Я об этом читал.

Я сменила угол атаки и проникновенно спросила:

– Тогда вам, наверное, бывает здесь очень одиноко? Без дружеского участия…

– Одиноко? – удивился он. – Я же только что перечислил, сколько тут дел. До конца жизни не переделать. Да и хозяин постоянно подкидывает новые…

– Ах да, ваш хозяин. Скажите, а почему он… носит маску? Господин Кроверус, как бы это помягче выразиться, уродлив? Такими, как он, пугают младенцев и должников?

– Уродлив? – Хоррибл задумался, и я поняла, что этим вопросом он задался впервые. – Нет, не думаю. Думаю, даже совсем напротив: хозяин красив. – Он уверенно кивнул. – Да, определенно красив.

– Зачем же он тогда прячет лицо под маской?

– Я… не знаю, – нехотя признал слуга. – Наверное, это как-то связано с тем делом, из-за которого он отлучается из замка дважды в неделю.

А вот это уже интересно!

– И это дело…

– Не знаю.

– Но я думала, вы в курсе всех его дел, – возразила я.

– Так и есть: всех, кроме этого. – В голосе снова засквозили ревнивые нотки. Наткнувшись на мой недоверчивый взгляд, слуга добавил: – Правда, принцесса, если бы знал, я бы вам сказал.

Тут я спохватилась.

– О, вы, наверное, думаете, что я так подробно все выспрашиваю о вас, вашем хозяине и замке, чтобы потом воспользоваться этой информацией для побега? Уверяю, что это вовсе не так!

– Что вы, принцесса, даже не думал.

– Правда?

– Ну, конечно! Иначе не был бы так откровенен. Но мне нет смысла что-то скрывать: вам ни за что отсюда не сбежать. Это попросту невозможно.

Пусть скажет это пятнадцатидюймовому корсету, который я носила дома.

Тут со стороны окна послышался скрежет. На решетке сидела летучая мышь. Когда мы повернули головы, она что-то крикнула. Хоррибл тут же вскочил:

– Уже иду!

Посланница щелкнула зубами, оттолкнулась от решетки и камнем рухнула вниз, а слуга принялся поспешно собирать посуду.

– Хозяин вызывает, – сообщил он, забрал у меня кубок и пристроил на нижний ярус тележки, к пустым плошкам. Спасибо, что позволили составить вам компанию, принцесса.

Не успела я опомниться, как он уже подтолкнул столик к выходу. По пути колесики застряли в пасти медведя (могу поклясться, шкура сделала это нарочно!), и я помогла высвободить их.

Слуга поблагодарил и распахнул дверь.

– Вы сегодня еще вернетесь?

– Надеюсь, принцесса. Все будет зависеть от того, зачем хозяин меня вызывал. – Он поклонился, выкатил тележку в коридор и добавил: – Ни о чем не волнуйтесь и думайте о приятном.

Закрыл дверь и снова запер меня.

* * *

К его возвращению я успела убедиться, что меж чугунными розами, оплетающимися окно, пролезает только рука, в щель между дверью и стеной не воткнуть даже чайную ложечку, которую я стащила во время чаепития, а зеркало по-прежнему глухо к моим призывам.

Когда слуга вошел, я уныло стучала палочкой по ксилофону, пытаясь воспроизвести мелодию, которую Озриэль разучивал на своих музыкальных стаканчиках. Пуфик-крысу я пристроила рядом, для компании. У нее снова прорезался хвост. Впервые в жизни я оказалась совершенно одна: рядом не было даже ворчливого паука, чьи саркастичные замечания не позволили бы мне пасть духом.

– Господин Кроверус приглашает вас на ужин, – сообщил Хоррибл с порога. Я выронила палочку. – Ужинать, – поспешно поправился он. – Составить ему компанию. Стать сотрапезником. Разделить скромную снедь.

Уверена, Кроверус выразился несколько иначе, но Хоррибл облек приказ в вежливую форму, щадя мои чувства. Отказываться я, в любом случае, не собиралась, да и вряд ли могла. Нужно использовать любую возможность для сбора информации.

Я поднялась, оправила платье и покорно склонила голову:

– Я готова, господин Хоррибл.

Слуга кивнул:

– Следуйте за мной.

Междуглавие. Тем временем в Затерянном королевстве…

Скрипнула дверь камеры, рядом на пол приземлился какой-то пакет. Уинни подняла голову и немедленно вскочила на ноги.

– Ты! Где Индрик, что ты с ним сделал?!

– Можешь идти, – кивнул Марсий стражнику.

Тот кинул сомневающийся взгляд на разъяренную гоблиншу, но подчинился.

– Это тебя не касается, – холодно ответил Марсий, когда он удалился. – Скажу лишь, что пользы от него теперь гораздо больше, чем было. Голова раскалывалась от его воплей.

– Лучше слушать его вопли, чем видеть твою рожу!

– Не смей так со мной разговаривать!

– А то что? Сделаешь статуей? Ты ведь только это и умеешь. Тоже мне, напугал! Зачем пришел?

– Забыла? Я король и могу ходить, куда захочу и когда захочу. Особенно у себя во дворце.

– И первым делом побежал в темницу? А я-то думала, Ваше Чугунное Величество сейчас примеряет парадные чулочки и лепит мушки, готовясь к коронации.

Глаза Марсия потемнели. Он шагнул вперед, придвинув лицо вплотную. Воздух в камере нагрелся, кисти рук угрожающе заалели в темноте.

– Ты забываешься, гоблинша.

– Вовсе нет, – прошипела Уинни, и не подумав отодвинуться, – гоблинша помнит свое место, а вы, Ваше Величество, можете сказать о себе то же самое? Оглянись, это ты стоишь в моей камере!

– Это мой дворец и моя камера.

– Может, и все, что в ней, тоже твое?!

– Да! Каждый камешек в этом чертовом королевстве принадлежит мне!

Уинни на миг прикрыла глаза, пытаясь справиться с гневом и припомнить советы матери, как вести себя с докучливыми посетителями, но на ум приходила только сковорода. Она открыла глаза и посмотрела в лицо стоящего напротив. Как же хочется вмазать ему! За Индрика, за самоуверенность, за того грифона, за бусы, за унижение пятилетней давности, за то, что снова появился в ее жизни, заставив почувствовать себя брошенной и ненужной девочкой[1 - Подробнее о предыстории взаимоотношений Марсия и Уинни читайте в рассказе «Две недели, которых не было».]. Но она больше не девочка и не повторит прежней ошибки – не доверится. Никому.

Уинни выдохнула и спросила сквозь зубы:

– Сколько мне еще тут торчать?

– Сколько я захочу.

– Ты не имеешь права меня удерживать! Я ничего не сделала!

– И кто же мне помешает? – хмыкнул Марсий. – Или надеешься, что благодарные посетители «Наглой куропатки» выстроятся в очередь, умоляя освободить лучшую раздатчицу?

– Я тебя ненавижу.

– А я тебя!

– И поэтому держишь тут?!

– Да!

В темнице повисла пауза, прерываемая лишь тяжелым дыханием спорщиков.

Наконец Марсий отступил на шаг.

– Все, пора. Коронация, знаешь ли.

– Какое облегчение! Неужели мои глаза передохнут от твоей физиономии?

– И не мечтай, ты идешь со мной, – заявил он и подтолкнул ногой ранее принесенный сверток.

Уинни нагнулась, развернула бумагу и поморщилась.

– Что это?

– Твоя униформа. Мы не кормим дармоедов. Будешь отрабатывать свое пребывание здесь. Тебя ведь не нужно учить обязанностям подавальщицы?

Уинни вынула и встряхнула унылую робу с намалеванным на груди знаком бесконечности, больше похожим на мишень.

– Я это не надену, – заявила она, отшвыривая платье.

– О, не просто наденешь, а будешь мило улыбаться гостям, предлагая закуски и ежевичное шампанское.

Марсий опустил взгляд на ее башмаки и усмехнулся.

– Чуть не забыл: девушке полагаются праздничные туфли.

Небрежно тряхнул рукой, что-то блеснуло, и ноги Уинни внезапно отяжелели на десяток килограммов. С трудом оторвав правую от пола, она уставилась на чугунную туфлю, совсем недавно бывшую туфлей из оленьей кожи. Эту обувь она купила на распродаже специально для вечеринки в Шаказавре

– Так тебе не придут в голову глупости вроде побега, – обронил Марсий и вышел из камеры. – Стража!

На зов прибежал тот же молодец.

– Отвести гоблиншу к остальным слугам, готовящим банкет, – велел король.

С минуту забавлялся, глядя, как она неуклюже топает к выходу, и сделал невольное движение вперед, когда она запнулась о порог. Уинни вскинула ненавидящий взгляд, и Марсий убрал руки за спину.

– При гостях будь порасторопнее, – бросил он и отправился наверх. Вскоре звук шагов стих.

– Пошла! – буркнул стражник и толкнул ее в спину.

Уинни чуть не упала. Чудом удержала равновесие и сцепила зубы – она не станет просить, не доставит Марсию такого удовольствия, – и, собравшись с силами, поплелась к лестнице. Это был самый долгий подъем в ее жизни. Приходилось переставлять ноги, помогая себе руками.

Уинни тащилась наверх, пыхтя и представляя, как заедет чугунным башмаком в одну самодовольную королевскую задницу.

* * *

– Что ты здесь делаешь, Лилит?

– Уже почувствовала вкус власти, Черата?

– А тебя до сих пор незнакомые дяди угощают на улице леденцами?

Первый советник усмехнулась, но внутренне кипела от ледяной ярости при мысли о том, что эта выскочка сейчас стоит между ней и ее целью.

– Ты больше не ректор и не можешь заявляться в Академию, когда вздумается.

Разговор происходил во время перерыва напротив ректорского кабинета. Впереди еще одна пара, а потом принцев поведут смотреть коронацию. Вокруг толпами сновали возбужденно переговаривающиеся студенты. Каждый считал своим долгом остановиться и засвидетельствовать почтение мадам Лилит. Обычно ей это нравилось, но сейчас лишь раздражало. Единственным плюсом было то, что Черату это раздражало еще больше.

Бывший профессор истории волшебного народа даже не пригласила первого советника внутрь. Все лишь бы унизить и побряцать новообретенной властью. Ошибка большинства новичков. Дорвавшись до высокого положения, они на первых порах быстро обзаводятся врагами. Стоило все-таки плотнее заняться ею, пока еще работала в Принсфорде, но всегда находились дела поважнее. Вот и сейчас Черата не попала в список приоритетов, но как только Лилит разделается с более насущными проблемами, непременно возьмется и за нее. И тогда… – Лилит никогда не заканчивала эту мысль, смакуя предвкушение.

– Послушайте, профессор, – начала она.

Лицо собеседницы побагровело.

– Я теперь ректор и требую…

– Можешь требовать, сколько влезет, – прошипела Лилит, понизив голос так, чтобы остальные не могли слышать, – но здесь я отдаю приказы. В этом здании, в этом городе и в этом королевстве. Советую запомнить. И вам добрый день, сир Туатский, – добавила она тем доброжелательным тоном, к которому привыкли за эти годы студенты. Щупленький блондин еще пару минут покрутился рядом, едва не доведя Лилит до белого каления. Внешне она, разумеется, никак этого не проявила. Когда он наконец откланялся, первый советник снова повернулась к собеседнице и продолжила угрожающим тоном: – И я скажу, что ты сейчас сделаешь: ты откроешь мой чертов бывший кабинет, а сама испаришься куда-нибудь на полчаса, молясь о том, чтобы мое настроение улучшилось, когда ты

вернешься.

На губах Чераты заиграла издевательская улыбка. Она сделала шаг в сторону.

– Кабинет перед тобой.

Лилит в бешенстве посмотрела на двери, в которые непринужденно входила сотни раз, и не двинулась с места.

– Ты знаешь, что должна пригласить меня, – процедила она.

– Неужели? – делано удивилась Черата. – А я-то думала, что в этом здании, в этом городе и в этом королевстве ты отдаешь приказы и не нуждаешься ни в чьем дозволении. Что, хочешь сказать, что я об этом пожалею? Ну, так этот момент того стоил.

Черата сложила руки на груди, наслаждаясь зрелищем поверженной соперницы.

Все заволокло алым вихрем гнева. Лилит неимоверным усилием загнала его внутрь и прошептала:

– Наслаждайся своим крошечным королевством, пока можешь, и помни: когда я вернусь, тебя не спасут ни эти двери, ни слезные мольбы.

Ее шепот пугал гораздо сильнее любых криков и угроз.

Ректор выпятила челюсть и ничего не ответила. Внезапно она увидела кого-то за спиной первого советника и на сей раз изменилась в лице.

Лилит обернулась, чтобы увидеть того, кто произвел на нее столь неизгладимое впечатление, и растянула губы в улыбке.

– Ах да, мадам Черата, я не упоминала, что сир Медоречивый с этого дня назначен королевским проверяющим? Должно быть, запамятовала. Вот соответствующий указ.

Ректор даже не взглянула на протянутую пергаментную трубочку с королевской печатью, и мадам Лилит небрежно закрепила ее в ручке двери.

– Мадам Черата? – вкрадчиво поинтересовался присоединившийся к ним принц и сверкнул алым глазом-протезом. – Наслышан, рад личному знакомству, очарован.

Поцелуй ожег тыльную сторону ладони, как клеймо.

* * *

Когда Лилит направлялась к выходу, ее окликнул знакомый голос.

– Мадам Лилит! Вернее, уже первый советник…

Перед ней вырос запыхавшийся мужчина с суровым щетинистым подбородком. Таких чаще встретишь на пустынной дороге с дубиной в руке, чем в стенах учебного заведения.

– Я спешу, профессор Робин, как-нибудь в следующий раз, – отрезала она, обогнула эльфа и продолжила путь.

Он догнал ее и пошел рядом, примериваясь к миниатюрному шагу.

– Это не займет много времени. Видите ли, не далее как этим утром одна всеми уважаемая гномка, хозяйка лавки магических цветов, была обворована.

– Жаль слышать, но вам следует обратиться к королевскому дознавателю, а не ко мне. Всего доброго, Август, – кивнула она привратнику.

Его поврежденный колпак временно заменили увеличенной с помощью заклятия банкой, и старичок чувствовал себя неуютно.

– Ее обворовали на уровне идей, – пояснил профессор травоведения. – Некий негодяй по имени Жмутс. Он давно мечтал заполучить ее «Эксклюзив-нюх» и не гнушался никакими средствами.

Мадам Лилит, потянувшаяся было к двери, замерла и подняла глаза на собеседника, впервые заинтересовавшись темой разговора.

– «Эксклюзив-нюх»? Случайно не в этой лавке работала принцесса Оливия, судьба которой всех нас так шокировала и взволновала?

– Да! – обрадовался мужчина. – Они с Гортензией очень дружны. Правда, имела место небольшая размолвка, но Ливи была бы счастлива знать, что справедливость восторжествовала.

Мадам Лилит положила руку ему на плечо и проникновенно сказала:

– Тогда мы просто обязаны сделать все возможное для торжества справедливости. В память о несчастной принцессе. Вы правильно сделали, что обратились ко мне, профессор Робин. Друзья Ливи – мои друзья.

– Я знал, что могу на вас рассчитывать! – просиял эльф.

* * *

Жмутс редко удивлялся. За всю жизнь не наберется и полудюжины случаев. Но поневоле удивишься, застав у себя на рабочем месте первого советника короля.

– Господин Жмутс, не так ли?

– Вы не ошиблись, мадам. Честь имею.

Хозяин «Цветолюкса» переломился в пояснице и поцеловал детскую ручку. Это с ним тоже случалось нечасто.

– До меня дошли слухи о ваших восхитительных мечтирисах. Ваша фантазия и мастерство поражают, а потому я пришла с предложением. Уверена, оно вас заинтересует.

Жмутс поправил монокль и самодовольно крякнул.

– Я целиком и полностью к вашим услугам.

Глава 6, в которой мое обаяние не работает

От предложения «спуститься с комфортом» я отказалась, выбрав лестницу. Кажется, Хоррибл немного обиделся. Покажите мне девушку, которая захотела бы спуститься к ужину в ведре!

Мы снова долго блуждали разными переходами, пока не очутились на первом этаже. Пересекли холл и остановились перед огромной дверью, две створки которой образовывали полукруг.

Хоррибл потянулся, чтобы распахнуть ее передо мной, но тут откуда-то снаружи раздался нарастающий свист – такой издает приближающееся пушечное ядро (однажды я сопровождала папу во время боевых учений). Над парадной дверью показалась тень птицы, распростершей крылья в полете. Я не сразу сообразила, почему могу видеть ее сквозь стену. Понадобилось несколько секунд, чтобы различить в толще камня витраж из серых, черных и серебристых стеклышек. Наконец силуэт закрыл собой всю розетку, стеклянная преграда вспыхнула синим, и в вестибюль влетела огромная птица. Звона разбитого стекла не последовало: витраж лишь вязко всколыхнулся, пропуская гостью, и снова застыл. Прежде чем приземлиться, птица сделала круг по первому этажу – мы с Хорриблом быстро пригнули головы. Ее перья горели золотом, исполинские крылья мощно рассекали воздух, а глаза полыхали алым. В мускулистых лапах птица держала большую плетеную корзину, из которой торчала бутыль и тянуло жареными колбасками, а на груди красовался штемпель «Достанем и доставим. Мартинчик и К

».

Хоррибл вытащил из-за ворота хронометр на цепочке и сверился с ним. По циферблату в разные стороны бежало с десяток стрелок, совершенно друг с другом не согласующихся.

– С точностью до секунды, я же говорил! – обрадовался он и сунул часы мне под нос. Не знаю, на какую из стрелок полагалось смотреть, но какая-нибудь из них наверняка доказывала пунктуальность конторы господина Мартинчика в целом и птицы синомолг в частности. – Я разберусь с ужином, а вы пока заходите, принцесса, – сказал слуга и распахнул дверь в обеденную залу.

Оттуда повеяло зловещим холодом.

– Может быть, я подожду вас здесь? – засомневалась я. – Уверена, это не займет много времени, и…

– Исключено. Нельзя заставлять хозяина ждать. И да, – он понизил голос и придвинул губы к моему уху, – лучшими вариантами ответов будут: «Я вас поняла, господин Кроверус», «Совершенно с вами согласна, господин Кроверус», «Вы, как всегда, правы, господин Кроверус».

– Ответами? На какие вопросы?

– На все, – отрезал слуга, втолкнул меня внутрь и захлопнул дверь.

За стеной послышался его бодрый голос, обращенный к птице-посыльному. В ответ та тоже что-то проквохтала. Я оглядела зал. Полутемный, как и все комнаты в этом замке. У противоположной стены помещался гигантский старинный камин, с барельефами по бокам. Огонь не горел, отсюда и холод. Над головой простирался высокий сводчатый потолок, оканчивающийся отверстием, в которое заглядывала луна. Не знаю, была ли это иллюзия или настоящее ночное светило. Где-то наверху слышались скрипы, завывания и шорохи. В центре зала стоял стол из черного мрамора. На нем горело с полсотни свечей. Синее пламя танцевало от гулявшего сквозняка. Пенное кружево воска растеклось по шлифованной поверхности и сползало по ножкам. Все вместе производило впечатление жертвенного алтаря. Господина Кроверуса с вилкой и ножом поблизости не наблюдалось.

– Эй, вы здесь?

Я сделала несколько неуверенных шагов, оглядываясь и зябко обхватив себя за плечи. Подошла к столу, взяла одну из свечей – пламя тут же сменилось на черное, а вокруг огонька сгустился ореол мрака. Вместо того, чтобы рассеивать

тьму, свеча ее распространяла. Я постучала ею о стол. Может, бракованная?

Позади раздался шорох.

Я резко обернулась, выставив свечу перед собой, как оружие, и увидела только силуэт дракона. Сам он оставался в тени, не спеша подходить ближе и завязывать беседу. Молчать наедине с драконом довольно некомфортно, поэтому я пролепетала первое, что пришло в голову:

– У вас… свечи сломались. Вот, видите, – я опустила глаза и ойкнула, потому что пламя снова стало синим.

– Ты когда-нибудь бывала во владениях Танцующего Короля, принцесса? – спросил Кроверус безо всякого вступления. От шелестящего голоса снова поползли мурашки.

– Вы о Его Величестве Терезии? – уточнила я, аккуратно возвращая свечу на стол.

– Именно.

– У него еще есть… – я засомневалась, вспомнив взбалмошность красавицы, – или была жена Камесинна, отказавшаяся составить ему партию в состязании против Настурция и тем самым поспособствовавшая лишению почетного титула?

– Значит, бывала? – рычащие нотки прорезали прежнюю сдержанность интонаций. Его голосовые модуляции вообще достойны отдельного упоминания: безо всякой видимой причины шепот переходил в шелест, тот, в свою очередь, в рык, а последний – в сплав вышеназванных звуков. И от любого из них меня трясло и пробирало до костей.

– Нет. – Я решительно помотала головой. – И никогда лично не видела. Нам рассказывали о нем на занятиях в Академии.

– Ты ведь не лжешь мне, принцесса? – вкрадчиво поинтересовался дракон.

– Нет, господин Кроверус. – Я вспомнила совет слуги и добавила: – Вы, как всегда, правы, господин Кроверус.

– Так «да» или «нет»? – раздраженно спросил он.

– Нет, не бывала в его владениях, да – вы правы.

– Насчет чего?

– Насчет всего.

Повисла тягостная пауза. Дракон внезапно поднял руки, отнял что-то от лица и шагнул в круг света – я поздно сообразила, что он снял маску, и не успела зажмуриться. Увидев его, зажмуриться я не смогла от изумления: Якул Кроверус был красив. Нет, не так: ошеломительно, пугающе красив. Настолько, насколько красивым может быть зубастое когтистое чудовище.

Сочетание тьмы и серебра завораживало, лицо из тех, что хочется разглядывать. Белая кожа, четкие скулы, черные глаза, серебряный гребень волос и квадратные серебристые зрачки, в которых отражаются огоньки свечей. Разве монстры бывают прекрасны?

Папа всегда говорил, что у меня специфический вкус.

– Время ужина, принцесса, – сказал он и щелкнул черными клыками. – Прошу к столу.

В тот же миг синее пламя свечей с гулом взвилось ввысь и снова опало, танцуя на цветоножке фитиля.

– Меня… мое имя Оли… Ливи, господин Кроверус, – прошептала я.

– Знаю, принцесса.

Он без толики ответного восхищения скользнул взглядом по моему лицу со следами аллергии и сделал нетерпеливый жест в сторону стола.

– Ну!

Я набралась храбрости.

– Нет… сперва скажите, что с Озриэлем? Он в порядке?

Кроверус наклонился совсем близко – так, что в мире остались только серебристые квадратики.

– Советую запомнить, принцесса: капризы остались дома. Ты хоть знаешь, что я могу с тобой сделать?

Я провела языком по пересохшим губам:

– Это не капризы. Я буду беспрекословно вас слушаться, обещаю, и сделаю все, что скажете, только ответьте на мой вопрос. А иначе… – я вздернула подбородок, – можете испепелить меня, как грозились еще в Потерии, но я не сдвинусь с этого места!

Подозреваю, у драконов есть собственные способы сдвигать с места принцесс, и крыть мне было нечем… Но говорила я искренне: если бы Кроверус сейчас извлек из кармана косточку и заявил, что это все, что осталось от Озриэля, то вся дальнейшая борьба, все планы, все мечты и надежды не имеют смысла.

Белое лицо внезапно перестало казаться таким уж красивым. Дракон отодвинулся, обошел меня, спокойно уселся за стол и заткнул за воротник льняную салфетку.

– Мальчишка жив. Ты ведь это хотела узнать? А теперь садись.

– Я… могу вам верить?

– А у тебя есть выбор?

Он щелкнул пальцами. Позади раздался скрип: одно из тяжелых кресел с бронзовыми гнутыми ножками встало, кряхтя и ворча, прошествовало ко мне и толкнуло под колени. Я плюхнулась на мягкое сиденье и вмиг очутилась за

столом. Там уже появились тарелки и столовые приборы на две персоны. Справа протянулась батарея ложек, слева – армия вилок. Можно подумать, мы на светском ужине.

Не скажу, что до конца поверила хозяину замка, но на душе полегчало. Словно все это время я не могла нормально дышать, а тут кто-то подошел и ослабил слишком тугую шнуровку корсета. В конце концов, зачем Кроверусу лгать? Если бы он причинил Озриэлю вред, то так бы и сказал.

Как бы то ни было, после хороших вестей я воспрянула духом и готова была играть по его правилам… по крайней мере, так дракону следует считать.

Сам он сидел, изучая меня внимательным взглядом. Что он задумал? Зачем позвал на ужин? Задать главный вопрос – что меня ждет – духу пока не хватало.

Дверь распахнулась, и в зал вошел Хоррибл. Он торжественно нес огромный поднос, на котором лежал поросенок, обложенный румяными половинками печеного картофеля и зеленым горошком. За блюдом струился зримый шлейф аромата (надеюсь, то был не призрак самого поросенка). Слуга водрузил его в центр стола, а еще через минуту к нему прибавилось с десяток других, в основном, мясных: какие-то черные комки, похожие на ежиков под флюоресцирующим соусом, змеи-гриль, фаршированные кроты кверху лапками, шашлык из опоссумов, рагу из белок, голова шакала со свисающим набок языком и колечками лука на ушах… Я снова впилась взглядом в поросенка.

Кроверус знаком дал понять слуге, что не нуждается в его услугах, и самостоятельно навалил на тарелку половину принесенного. И к чему, спрашивается, столько ложек и вилок? Дракон ел руками.

– Помоги принцессе, – сказал он, разрезая когтем хрустящую змеиную кожицу. Хоррибл с готовностью подхватил блюдо с поросенком и подошел ко мне. Я радостно занесла вилку. – Принцессы должны оставаться мягкими и пухлыми, – добавил Кроверус.

Желудок резко прилип к позвоночнику. Я зачарованно наблюдала, как острый коготь распарывает кожицу, и из-под нее вытекает беловатый сок.

– Спасибо, но что-то нет аппетита. – Я поспешно вернула на место столовые приборы.

Протестующий рев желудка оповестил всех и каждого в этом зале, что я лгунья.

– Я настаиваю, – сказал Кроверус, с хрустом откусывая голову змеи.

– Ну, разве что совсем немного. – Я потянулась к подносу, с сожалением обогнула манящий поросячий бок, подхватила зеленую горошину и осторожно понесла ее к тарелке под тяжелым взглядом дракона. Чуть не выронила. Загипнотизированная горошина просто свинцом налилась.

– Всю жизнь приходится соблюдать диету, – сообщила я до противного бодрым голосом. – Знаете, конституция такая: горошиной больше, и меня тут же разносит. Прямо-таки вдвое. Ни один дракон от земли не оторвет.

Я аккуратно пристроила ее в центр тарелки и, вооружившись ножом и вилкой, разрезала пополам.

– Наш королевский лейб-медик советует есть небольшими порциями и тщательно пережевывать, – пояснила я.

Только боги знают, чего мне стоило проглотить половинку горошины в замке дракона, под дулами двух взглядов, шуршание свечей и стоны ветра в трубах.

Знаете, есть паузы комфортные, а есть такие, которые тут же хочется заполнить, неважно какой чепухой. Из головы вылетели все предостережения Хоррибла за компанию со здравым смыслом.

– У вас правда аллергия на фисташки?

Молчание.

– А сколько вам лет, господин Кроверус? – Я принялась за вторую половинку своего скудного ужина, остервенело пытаясь насадить его на вилку. – Надеюсь, мой вопрос не покажется нетактичным? Поймите правильно: не каждый день встречаешь дракона. Ваше племя… – я осеклась, – народность… окутана таким

количеством слухов и легенд, что не знаешь, чему верить. Возвращаясь к вопросу, никаких намеков. Вопрос как вопрос. Просто вы седенький, вот я и подумала, что вам лет эдак пятьсот – шестьсот…

«И вы можете запросто не дожить до утра. Со старыми драконами это случается».

А еще: кто-нибудь, пожалуйста, заткните меня.

Хоррибл стоял за спиной хозяина белый как мел и пучил глаза. Кажется, за эти тридцать секунд, что длилась пауза, он успел меня отпеть и придумать надгробную речь.

– Мне тридцать шесть, – последовал наконец ответ.

– А сколько живут драконы?

– Тридцать семь.

– Правда? А когда ваш день рождения? – Наверное, радости в голосе могло быть и поменьше.

Внезапно Кроверус, а следом и Хоррибл откинули головы и расхохотались.

– Ну, не шутник ли мой хозяин, а? – восхитился слуга, подталкивая того в бок. Но тут же опомнился и отступил на почтительное расстояние.

– Можешь идти, – сказал дракон, все еще криво скалясь.

Когда слуга вышел, это подобие улыбки как ветром сдуло.

– Я был прав, когда считал, что молчание лишь украшает принцессу… как веточка петрушки или долька лимона.

Губы снова обнажили клыки в улыбке, но до глаз она не добралась. Вилка в моей руке задребезжала, и я прислонила ее к тарелке.

Он хотел меня запугать, это ясно. И мне было страшно. Чего он добивается?

– Благодарю за ужин, господин Кроверус, – я чинно промокнула уголки губ салфеткой и вернула ее на стол. – Признаться, я не ожидала такого… дружеского приема после случившегося недоразумения.

Кажется, не стоило затрагивать эту тему, потому что глаза дракона вмиг почернели, а скулы едва не прорезали кожу, на них заиграли желваки.

– Недоразумение?

Он уперся кулаками в стол и начал медленно подниматься. Он поднимался и поднимался. И чем выше становился он, тем меньше и испуганнее я.

– Ты хоть представляешь, что натворила? Каковы последствия? – Дракон с силой швырнул остатки окорока на тарелку. – Конечно, не представляешь! Встань. – Уже знакомое чувство заставило меня вскочить еще прежде, чем смысл приказа дошел до сознания. – И иди за мной.

Надо обязательно выяснить у Хоррибла, в чем секрет этого фокуса послушания.

Кроверус подхватил трехрожковый канделябр с незажженными свечами и двинулся к холодной пасти камина. Мы зашли внутрь, и единственным источником света остались зрачки моего провожатого. Что-то хрустнуло под ногой. Я не желала знать, что это было.

– Здесь… так темно, – робко шепнула я.

Дракон уставился на меня, не мигая, и коротко выдохнул. На фитилях затанцевали три синих огонька, подсвечивая его лицо.

– Уже нет.

Глава 7. Про экскурсию в подземелье и необычную библиотеку

Камин оказался входом в подземелье. Секретное нажатие, скрежет когтя, и дальняя стенка отъехала, открыв уходящую в темноту винтовую лестницу.

Начался спуск. Ступать приходилось крайне осторожно – кое-где ступени были сколоты, в других местах облиты чем-то липким, раза три по ногам пробежались мохнатые жирные крысы, совсем не похожие на розовые пуфики в башне.

Дракон двигался быстро и уверенно. Я старалась не отставать, потому что дальше двух шагов от канделябра все тонуло во мраке, а еще потому, что рядом с драконом зуд и першение утихали.

– Прекрати дышать мне в затылок.

– Да, господин Кроверус.

Стоило подчиниться, возобновился чих и зачесалось под коленками.

Дракон обернулся:

– Что с тобой?

Что я могла на это ответить? У меня из-за вас непонятная аллергия? Я пробормотала извинения и двинулась дальше. Спросить, куда именно идем, не осмелилась.

В памяти всплыла прогулка по подземелью с Орестом. Тот подземный мир теперь казался средоточием уюта по сравнению с подвалом Кроверуса. Готова спорить, тут не прибирается специальный гном…

Мы спустились в самый низ и очутились в помещении с нависающим арочным потолком. Вперед тянулся проход, по обеим сторонам которого располагались камеры.

Кроверус повернулся ко мне, провел рукой по ближайшей решетке, высекая когтями искры, и участливо осведомился:

– Совсем забыл спросить, принцесса, как тебе башня?

Я сперва чихнула, а потом прогундосила:

– Очень понравилась. Вы так добры, господин Кроверус и, как всегда, правы.

Судя по лицу, ответ ему не понравился, но я не поняла, чем именно.

Дракон прошел вглубь, остановился напротив последней камеры и ткнул в нее канделябром.

– А вот им не понравилась.

Я просеменила вперед на негнущихся ногах и заставила себя повернуть голову. Кажется, я вскрикнула, кашлянула и чихнула одновременно.

К решетке клетушки, обхватив костлявыми пальцами прутья, припал скелет, очевидно, девушки, очевидно, принцессы: вышедшее из моды платье, желтая вата волос и маленькая, завалившаяся набок корона. От пленницы пахло корицей и горьким миндалем. И это показалось мне ужаснее всего. В глубине белело еще два таких же скелета – в похожих нарядах и с одинаковыми коронами. Одна несчастная умоляюще протягивала руки с кучи соломы в углу. Вторая лежала на узкой тюремной кровати, листая какой-то модный журнал. Точнее, она его теперь, конечно, не листала, а просто держала. Может, ее хватил удар из-за безвкусного наряда?

– Но я ведь в этом замке первая принцесса! – потрясенно выдохнула я.

– С чего ты взяла? – нахмурился дракон.

– Мне… – тут я осеклась, потому что узнала об этом от Хоррибла, а выдавать слугу и тем самым терять единственного сочувствующего совсем не хотелось.

– Это очевидно: в вашем замке не чувствуется женской… – я машинально дотронулась до костлявой кисти, – руки. – Запах корицы и миндаля усилился. – Ой, а почему она такая…

– Не трогай!

Но я уже отломила прилипший к решетке палец и чуть надкусила.

– Она… из марципана? – изумилась я и кивнула на остальных двух принцесс. – А эти?

– Какое из двух слов «не» или «трогай» было непонятно? – дракон раздраженно забрал у меня палец псевдопринцессы и попытался прилепить обратно, но тот все время падал. Тогда он чуть дохнул, сахарная плоть потекла и на этот раз закрепилась.

– Мизинец идет после безымянного, – подсказала я, но, перехватив испепеляющий взгляд, поспешно добавила: – Однако ваша версия мне нравится больше: так свежо и нетривиально.

– Теперь видишь, что случается с недовольными и непослушными?

Я честно обдумала вопрос.

– Они превращаются в сахар?

– Они попадают сюда, – отрезал дракон.

– Но они же ненастоящие, – напомнила я.

– Это всего лишь наглядная иллюстрация. Имей в виду: это первое и последнее предупреждение.

– Но я не собираюсь вам перечить или выказывать недовольство, – заверила я. – Напротив, отныне намерена быть кроткой, покорной и во всем вас слушаться.

– Неужели? – прошелестел Кроверус.

– Да, теперь я не та Ливи, которая сбежала из дома две недели назад и доставила вам столько хлопот.

– Хлопот? – Глаза полыхнули серебром.

– Ужасных хлопот, просто невероятных. И мне бесконечно стыдно. Можете верить, можете нет, но, попав в этот замок, я изменилась, родилась заново. Осознала, проанализировала и исправилась. Сейчас вы мне все-таки не верите – я вижу это по выпяченному подбородку и скептическому оскалу, – но я докажу, что говорю правду, пусть у меня на это уйдет целая вечность!

Даже я себе поверила.

– Четыре дня.

– Что?

– У тебя нет вечности, принцесса, лишь четыре дня. – Он подался вперед и лязгнул зубами. – Так что советую начать доказывать прямо сейчас.

У меня ноги подкосились: что значит «четыре дня»? Дракон уже отвернулся и направился к лестнице. Я бросилась его догонять.

– Погодите, господин Кроверус, что вы имели в виду под четырьмя днями?

– Не думала же ты, что останешься здесь навсегда? Как ты совершенно справедливо заметила, в этом доме не чувствуется женской руки. Ее и не будет.

– Даже моей?

– Твоей особенно. Разве что отдельно от тебя.

Все эти ответы он бросал на ходу, поднимаясь наверх.

Вот тут я разозлилась. Протиснулась сбоку, обогнула его и решительно перегородила дорогу.

– Значит, вы на мне не женитесь?

Кроверус остановился, откинул голову и расхохотался. Потом резко прекратил смеяться, отодвинул меня и продолжил путь.

Вы даже не представляете, как было обидно! Нет, разумеется, я не горела желанием стать госпожой Кроверус, но неприятно, когда смеются в лицо на предложение руки и сердца.

– Значит, съедите? – допытывалась я, следуя по пятам. Предпочитаю знать правду, пусть и ужасную, чем мучиться от безвестности.

Снова молчание.

– Ответьте, прошу! Держать меня в неведении чересчур жестоко, даже для вас!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подробнее о предыстории взаимоотношений Марсия и Уинни читайте в рассказе «Две недели, которых не было».

Купить: https://tellnovel.com/ru/varya-mednaya/princessa-v-akademii-drakoniy-klub-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить